

ДРУГИЕ МИРЫ

Марина Александрова



ВЛАСТИТЕЛИ ЛЬДОВ

Другие миры (АСТ)

Марина Александрова

Властители льдов

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Александрова М. Н.

Властители льдов / М. Н. Александрова — «Издательство АСТ»,
2021 — (Другие миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-138297-1

Дао Хэ – монастырь, что хищной птицей возвышается на востоке государства Аир. Она прожила за его стенами всю свою жизнь, и казалось, уже давно потеряла свое «я» в черных складках сухэйли. Но вот настал великий день, когда ей, как и любой истинной Тени, предстоит «Обрести лицо». Что ждет ее дальше? Какой поворот приготовила для нее судьба? Дальнюю дорогу? Страну, тонущую во льдах и магии? Любовь? Что из этого станет реальным для такой, как она? Впереди долгое, полное опасностей путешествие, тайна собственного рождения и проклятие, которое лишь предстоит победить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138297-1

© Александрова М. Н., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

60

Марина Александрова

Властители льдов

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону



Серия «Другие миры»

Разработка серийного оформления Евгения Антофия

Иллюстрация на обложке Бориса Аджиева

© Марина Александрова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Не очень хорошо помнится мне детство, которого, как иногда кажется, и не было вовсе. Когда спрашивают меня: «Кто твоя мать, Дайли?», я честно не нахожусь с ответом. Помню лишь, что когда-то очень давно был человек, кажется женщина, что предлагала мне еду и кров, но не помню ни ее лица, ни запаха, ни своего отношения к ней. Быть может, эта причудливая незнакомка и была той, что так неосторожно подарила мне жизнь? Как знать... Да и важно ли это теперь? Для Дао Хэ – это не имеет ровным счетом никакого значения. А для меня? Мне кажется, что истинное мое Я давно растворилось в складках черного сухэйли, что носят все послушники монастыря. Мы узнаем друг друга лишь по глазам и по походке, что незримо отличает нас. Нам неведомо, кто из нас девушки, а кто парни, равно как неведомы и звучания иных голосов, чем те, которыми говорят учителя Дао Хэ. Ведь каждый из нас всего лишь Тень, истинного лица которой не дано узнать никому.

«Всего лишь Тень до той поры, пока сила не благословит каждого из вас» – так говорили мне еще с тех пор, когда подол самого маленького сухэйли, что был выдан учителем Тонгом, волочился вслед за мной по полу, собирая собой всю неуловимо забившуюся в щели между каменными плитами пола пыль.

«Но я не тень! У меня есть лицо, и оно совсем не черное!» – возмущенно кричала я в ответ.

«Всего лишь Тень», – неустанно твердил Тонг, пока каждый из нас не начинал верить, что это действительно так. Беззвучные и бесправные воспитанники Дао Хэ, монастыря, что каменной громадиной возвышается на востоке Аира. Все мы росли и выросли, трудясь над собой не покладая рук. Днями напролет просиживали в медитациях, стараясь познать свое внутреннее Я. Часами отработывали сложнейшие комплексы упражнений, совершенствуя свое тело. Но каждый из нас знал, что не будет нашим трудам ни конца, ни вознаграждения, так как остановимся мы лишь умерев.

– Дайли, – низкий голос учителя раскатом грома разнесся по внутреннему дворику Дао Хэ.

Я неохотно оторвалась от собственных мыслей и посмотрела в сторону мужчины, что звал меня из окна второго этажа.

– Поднимись ко мне, Паи¹, – легко кивнув, сказал мой Сэ'Паи².

Поклонившись уже исчезнувшему в проеме окна учителю, я, более ни минуты не задерживаясь, направилась в сторону кельи, где жил Сэ'Паи Тонг, мой учитель и наставник. Единственный из того небольшого числа людей, что жили в Дао Хэ, и который мог говорить со мной вслух. Человек, которого я воспринимала как друга, а не только наставника.

Стоило лишь ступить в проем, что уводил с залитого полуденным солнцем двора, на второй этаж каменной обители послушников монастыря, как я погрузилась в совершенно непроглядную темень. Но темнота давно не пугала ни одного из нас. Каждый из послушников Дао Хэ владел всеми пятью чувствами осязания в совершенстве. И такая вещь, как дезориентация, уже очень давно не грозила нам. Если мы не видели, то слышали, если же не слышали, то осязали – тело лишь инструмент, а играет на нем человек. Его сила, разум и воля, – так учили нас с детства. Потому я легко преодолела несколько пролетов каменных ступеней и совершенно бесшумно шагнула в длинный, освещенный светом масляных ламп коридор. На пути к келье Сэ'Паи Тонга мне никто не повстречался, что было и неудивительно. Ведь полдень – время физических практик у большинства послушников. И лишь один юноша, сторбившись над каким-то давно въевшимся в пол пятном, неторопливо тер его на другом конце коридора.

Это был Мулан – «Безликий». Когда-то он был Тенью, как и каждый из нас носил сухэйли и готовился к благословенному дню Обретения Лица. Когда-то он был отмечен силой и должен был стать учеником и послушником Дао Хэ. Но быть избранным и стать им – оказалось вовсе не одно и то же. Мы с ним были примерно одного года, и я хорошо помню то, что произошло с Тенью, которая не смогла развиваться в теле Безликого.

Мулан был необычным ребенком, во всяком случае для монастыря Дао Хэ он был таковым. Слишком беззаботный, непоседливый и энергичный. Его фигурку, закутанную в черный сухэйли, перепутать было невозможно. Он шнырял по монастырским задворкам с энтузиазмом кошки, что выслеживает долгожданное лакомство в виде мышки. В первые же недели своего пребывания в монастыре он обследовал все подвалы, чуланы и хозяйственные постройки. Этого молодого послушника всегда можно было увидеть там, куда нормальному человеку и лезть не захочется.

Как я уже сказала, Дао Хэ расположен на востоке государства Аир, а именно в горной его части. Будто хищная птица, возвышается мой монастырь над равниной, что раскинулась у его ног. Воздух здесь сильно разрежен, и многим с непривычки очень тяжело дышится в наших краях. Но отнюдь не это превратило Мулана в калеку без единого шанса на выздоровление. Ветра здесь поистине страшной силы, и даже самый незначительный ветерок может в одну секунду превратиться в неистового зверя, способного подхватить маленькое и слабое тело ребенка и со всей силы обрушить его на каменные плиты внутреннего двора. Так произошло с этим мальчиком, когда он решил взглянуть на монастырь с крыши одной из хозяйственных построек. Тогда Мулан сломал обе ноги, но не это сделало его Безликим – в тот день он потерял свой сухэйли, и его неокрепшая Тень просто сторела под сотнями взглядов воспитанников и монахов Дао Хэ.

В тот день Мулан не просто лишился дара, он стал «Безликим» и безумным. Вот так просто превратился в существо, лишь отдаленно напоминающее человека. Его трагедия стала

¹ Ученик.

² Мастер.

уроком для каждого из нас. Ни один послушник по своей воле после этого случая не снял бы сухэйли до того дня, когда его Тень разовьется достаточно и он обретет Лицо.

«Всего лишь Тень, выгорающая на солнце без остатка», – нечаянная мысль коснулась моего сознания, когда я в очередной раз бросила осторожный взгляд на сидящего в конце коридора юношу, что остекленевшим взглядом смотрел в пол, продолжая тереть несуществующее пятно.

Дверь в келью Сэ'Паи оказалась не заперта, что означало, что учитель ждет меня.

– Дайли, заходи, – ровный густой бас раздался изнутри комнаты.

«Сэ'Паи Тонг», – войдя, поклонилась я, мысленно обращаясь к мастеру.

– Прошу тебя, не стой на пороге, пройди и присядь со мной рядом, – учитель сидел на полу в самом центре маленькой комнаты, освещаемой лишь скудным светом, что лился из узкого окошка над его головой. Ноги он скрестил перед собой и, более ни на что не отвлекаясь, потянулся к маленькому столику, что стоял справа от него. Взял небольшой керамический чайник и разлил по маленьким пиалам сбитый чай, что регулярно пили в наших краях.

Я слышала, что люди, живущие в долине, считают этот напиток редкостной дрянью, в Дао Хэ же без него не проходит и дня. Чай, молоко, масло и соль – вот четыре основные составляющие даосского чая, как еще его называют жители долины.

Не дожидаясь повторного приглашения, я аккуратно присела на предложенную мне мастером подушечку.

– Дайли, я не просто так позвал тебя сегодня, – протягивая мне пиалу чая, сказал Сэ'Паи Тонг. – Близится важный для тебя день, скоро ты обретешь Лицо.

«Я знаю», – коротко ответила я, принимая пиалу и делая осторожный глоток.

Учитель деликатно кивнул и задал следующий вопрос.

– Думала ли над тем, что будет после того, как ты получишь право снять сухэйли? – тихо, но уверенно продолжал говорить учитель.

Я невольно замерла. Вопрос о том, что когда-нибудь настанет день, и я встану перед выбором, в какую сторону должна двигаться дальше, конечно посещал меня. Но все это было столь призрачно и далеко, что всерьез думать о том, что однажды мне придется покинуть Дао Хэ, еще не приходилось. Но даже не это встревожило меня. Учитель не терпит пустых разговоров, оттого я поняла, что и этот он завел неспроста.

«Для чего вы спрашиваете, Сэ'Паи?»

Учитель негромко хмыкнул и отставил пиалу с чаем в сторону.

– Дайли, у меня есть просьба к тебе, – пристально посмотрел мне в глаза мужчина, рискуя раствориться в черных провалах, что уже давно заменили привычные радужки глаз. Тень жила внутри нас, она вытесняла собой все человеческое, и лишь в День Обретения Лица каждый Паи обретет не только возможность снять сухэйли, но и безбоязненно смотреть в глаза окружающим.

«Не надо, Сэ'Паи, вы же знаете, я не люблю, когда так делают», – как можно жестче сказала я, отводя взгляд в сторону.

– Прости, просто сам не свой сегодня, – неожиданно прямо сказал Учитель Тонг, – я не просто так спрашивал тебя о планах, Дайли. Вчера я получил письмо из столицы, – сказал мастер, делая небольшой глоток чая, – и не от кого-либо, а от Императора.

«При чем здесь я?»

Возможно, кому-то то, как я говорю, показалось бы грубым. Но поверьте, когда вынужден годами хранить обет безмолвия и лишь в редких случаях подавать голос, и тот мысленный, то сам процесс речи становится в тягость. Меня тяготят пространные речи, не восхищает ораторское мастерство, Тень внутри меня никому и никогда не верит на слово. Так для чего нужны слова? Лишь инструмент, что может в редких случаях облегчить жизнь.

– Император просит отрядить несколько послушников монастыря Дао Хэ ко двору, – так же коротко ответил Тонг.

«Вы специально заставляете меня спрашивать несколько раз? – усмехнулась я. – При чем здесь я?»

– Я думаю, что именно тебе стоит отправиться ко двору. – На этот раз все было предельно ясно, меня отсылают от монастыря сразу после Великого Дня.

«Почему, могу я спросить у вас?»

– Потому, что у тебя сильная Тень, и потому, что я не вижу тебя на услужении в храме. С самых ранних лет ты смотришь на наш дом как на свою персональную клетку. Даже понимая, что не окажись ты здесь, то попала бы в такое же положение, как Мулан, ты все равно тяготишься своей жизнью в монастыре. А после того, как Обретешь Лицо и твои силы возрастут – это станет даже опасным. Тебе необходимо уйти. И, если ты все-таки решишь вернуться однажды, Дао Хэ примет тебя как родную дочь.

«Для чего мы нужны Императору?» – не смогла удержаться я от вопроса.

– И никаких пререканий? – иронично изогнув бровь, ухмыльнулся учитель.

«Зачем? Я хочу посмотреть, как живут люди в долине. Но также мне необходимо знать, чем это для меня обернется. В конце концов, без обид, Сэ’Паи, но уйти я могу и сама по себе», – равнодушно отозвалась я.

– Ты несправима, Дайли, нельзя быть столь прямолинейной, – тепло улыбаясь, сказал Сэ’Паи Тонг.

На что я лишь промолчала. Прямолинейность, на мой взгляд, это привилегия тех, кому нечего терять. А у меня и так ничего нет, чтобы отказывать себе в удовольствии говорить то, что я думаю. Потому не стоит размениваться на пустые мысли и слова.

– Несправима, – все еще улыбаясь, повторил он. – Империя собирает специальный отряд, состоящий из лучших воинов и магов, Дайли. И если обычно воспитанники Дао Хэ не привлекались к государственным делам, то в этот раз Император весьма настойчиво просил о нашей помощи.

«Это не ответ», – коротко заметила я.

«Не ответ, – уже мысленно согласился со мной Сэ’Паи Тонг. – Но о большем вслух говорить не стоит. Дочь Императора с рождения обещана в жены наследнику одного из сопредельных государств. И вашей задачей будет сопроводить ее в земли народа, что живет на Севере».

«Властители льдов?» – новость была неожиданной для меня, и потому мне с трудом удалось сдержать удивление в голосе.

«Да», – коротко ответил учитель и тут же продолжил:

– Как ты понимаешь, это неспроста, что Император просит об участии наш монастырь. Твое присутствие будет инкогнито. Никто не должен знать о силе, что живет в тебе, как и о том, что ты девушка.

«Тогда как же...» – не успела я договорить, как учитель поднял ладонь в успокаивающем жесте и продолжил:

«Ты отправишься в это путешествие под видом юноши-воина, не наделенного какой-либо магической силой. Все, что ты можешь использовать для своей безопасности, – это лишь твои физические умения и парные клинки. Никто, Дайли, я повторяю, никто не должен знать, ни кто ты, ни откуда на самом деле прибыла. Твоя задача незримо оберегать наследницу в ее путешествии».

«Но, учитель, сняв сухэйли, как мне удастся скрыть то, что я женщина?»

«Об этом не тревожься, нам придется кое-что придумать. Но для начала стоит дождаться Великого Дня. Ступай, Дайли, скоро многое изменится для тебя. Мы позже обсудим все детали».

Не задавая более вопросов, я сделала глубокий поклон и вышла из кельи учителя.

«Все изменится», – эта мысль и пугала, и завораживала одновременно. Так долго я мечтала о том, что покину монастырь, что, когда этот момент настал, оказалась совершенно к этому не готова.

Но есть и плюсы в жизни Дао Хэ. Например, один из них заключается в том, что время здесь порой летит совершенно незаметно, убегая сквозь пальцы обитателей монастыря так стремительно, что ты даже не в состоянии понять, сколько дней или часов прошло с того момента, как ты отважился начать за ним отсчет. Утро в Дао Хэ приходит затемно, когда ночной холод заставляет тебя просыпаться, так как от него не спасает тонкое шерстяное одеяло, что затерто практически до дыр. Проснувшись, каждый послушник спешит в бани, что расположены на нижних этажах Дао Хэ. Ведь если не подсуеться и не занять вовремя отдельную кабину, рискуешь остаться и вовсе грязным. Так как ждать возможности нет, скудный завтрак подается лишь в одно время, и если ты за ним не успел, уж он-то точно дожидаться не станет. А после завтрака все послушники собираются во дворе, где нас уже ждет Сэ'Паи Ван. Он, как обычно, будет заниматься с нами до тех пор, пока солнце не достигнет зенита. И так каждый Паи с шестом, мечом или двумя короткими палками будет отрабатывать бесконечные связки, тренируя и разминая свое тело. Позже во двор принесут небольшой чан, в котором будет плескаться обжигающе горячий взвар из специального сбора трав, который тут же разольют по пиалам и раздадут ученикам. Эти травы призваны помогать нашим связкам и мышцам лучше набирать силу и поддаваться растяжкам. Необходимо пить его изо дня в день, пока мы не «обретем Лицо». Затем придет Сэ'Паи Тонг и поведет нас на место силы, где под землей соединяются в одну сразу несколько энергетических рек. Там мы будем освобождать наше сознание, сливаясь своей Тенью и разумом с энергореккой. Никто из нас не считает время в такие моменты, и никто не посмеет потревожить Паи, пока он сам не «вернется». Ведь каждый знает, как это опасно – вырывать неокрепшую Тень из пограничного состояния. Новенькие могут просидеть так несколько дней подряд. Те же, кто уже неплохо могут себя контролировать, смогут очнуться уже через несколько часов. После будет ужин, столь же скромный, как и завтрак, но зато очень питательный. Обычно это ячменная или рисовая каша, овощи и даоский чай. Затем мы разойдемся каждый к своему наставнику, где до самой темноты будем учиться управлять Тенью, что с рождения живет внутри каждого из нас. Также заниматься науками, письмом и чтением. Правда, есть дни, когда некоторые Паи освобождаются от тренировок, но лишь для того, чтобы облегчить бремя тех, кто живет в услужении у монастыря, обеспечивая нас едой, заботясь о чистоте и прочих хозяйственных нуждах.

И так изо дня в день живет мой монастырь своей размеренной жизнью в тишине и безмолвии послушников, что могут общаться друг с другом лишь мысленно. Чужакам кажется, что в Дао Хэ стоит гробовая тишина, знающие же могут в одночасье оглохнуть от силы мысленного общения, что происходит здесь ежесекундно. Иногда мы даже смотрим сны друг друга, разумеется с разрешения спящего, раскрашивая таким образом однообразную реальность.

«Дайли! Дайли!» – из моих размышлений над пиалой с чаем меня вывел этот неожиданный восклик.

«Тэо? Чего так кричишь?!» – еще не видя того, чей голос столь отчетливо раздавался у меня в голове, возмутилась я.

«День настал!!!» – еще более восторженно отозвались мне, в то время как из-за поворота в обеденную залу ворвался мой друг и однолетка, Тэо.

Не поднимая головы, дабы нам не пришлось встретиться взглядами, потому как Тени иногда весьма агрессивно реагировали друг на друга, я постаралась как можно спокойнее задать свой вопрос.

«Что за день, Тэо? Конечно, день настал, как, впрочем, и вчера, и позавчера», – усмехнулась я.

«Глупая Дайли, День Обретения Лица настал!» – его ментальный крик буквально взорвался у меня в голове, заставив недовольно поморщиться ровно до тех пор, пока я не осознала все им сказанное.

После чего я буквально подскочила на месте, едва не опрокинув пиалу с горячим чаем на своего незадачливого приятеля.

«Кто сказал тебе?!»

«Сэ'Паи Тонг велел нам готовиться! Идем же, Дайли!»

Дважды о таком просить меня было не надо. Не сговариваясь, мы опрометью побежали на нижние этажи, где располагались даосские бани. Ведь обязательным ритуалом, о котором мы точно знали, в День Обретения Лица необходимо было совершить омовение. Бани располагались на два этажа под землей. Здесь не горели масляные лампы, царил духота, влажность и кромешная тьма. Но каждый из обитателей Дао Хэ прекрасно ориентировался тут, нисколько не стесняясь темноты. Войдя в отдельную кабинку, я тут же принялась стягивать с себя сухэйли.

«Неужели я вскоре смогу увидеть свое тело? Глаза? Не боясь, смогу ходить рядом с другими людьми?»

«Да, Дайли», – в голове раздалась осторожная мысль Тэо, что, по всей видимости, подслушал меня. Волна тепла и дружелюбия пришла с его стороны.

«А что если обряд не удастся завершить, как было с Люи?» Каждый день я гнала от себя подобные мысли, но избавиться от них до конца так и не удалось. Не многие из нас знали, что не каждому Паи дано «обрести свое Лицо». Были случаи, когда послушники не возвращались с испытаний. И хотя никто из нас точно не знал, как происходит «обретение», все понимали, что это испытание легким уж точно не будет. Люи была старше нас на пару лет, и когда этот день настал для нее, все были уверены, что вскоре она вернется к нам, уже скинув сухэйли, и, не боясь солнечных лучей, пройдет по двору Дао Хэ. Но этого не произошло. Что случилось в тот день, так и осталось загадкой. Сэ'Паи Тонг на мой вопрос о Люи лишь коротко заметил: «Она отвергла свое Лицо». И более никаких объяснений не последовало.

В тот день я не могла понять, как можно через столько лет ожидания взять и отвергнуть свое Лицо?! Саму свою суть?! Я не понимала тогда, быть может, смогу понять это сейчас...

Нервно тряхнув головой, я постаралась отогнать от себя гнетущие мысли. Ни к чему все это.

Когда мы оказались во внутреннем дворе Дао Хэ, солнце уже практически село, щедро одарив угасающим золотом своих лучей все окружающее пространство. Воздух стал ощутимо прохладнее, но Сэ'Паи Тонг словно и не замечал этого. Он стоял в самом центре двора, прямо держа спину. На нем были простого кроя широкие штаны и такая же безрукавка. Его жилистые, не лишённые рельефа руки крепко сжимали посох. А на смуглом лице читались абсолютное спокойствие и уверенность.

– Пойдемте, вас уже ждут, – коротко бросил он, повернулся к нам спиной и направился к северным воротам монастыря.

То, что обряд проходил за пределами монастыря, мы знали, но вот где именно, никому не разглашалось.

Сухопарая фигура моего мастера легко двигалась вперед. Казалось, он совершенно не замечает многочисленные валуны и кочки, что встречались на нашем пути. Сейчас мы поднимались выше в горы. С каждым шагом становилось все холоднее и тяжелее идти. Еще совсем недавно пологие склоны как-то незаметно превратились в практически вертикальные стены. Конечно, не обладай мы нашей физической подготовкой, то пришлось бы совсем туго. Но мы шли, стараясь ни в чем не уступать учителю.

Вскоре, преодолев очередной скалистый уступ, мы оказались на небольшой платформе, на противоположной стороне которой неровно чадил факел, задыхавшийся от нехватки кис-

лорода на такой высоте. Но даже в его неровном свете можно было разглядеть темный провал в горной породе. Должно быть, это был вход. Вот только – куда?

Не говоря ни слова, Сэ'Паи Тонг направился в сторону темного входа и тут же растворился в густой тьме, что клубилась там, куда свет факела не доносился. Мы, не сговариваясь, последовали за ним.

Оказалось, что это отверстие в стене весьма и весьма узкое, как и сам проход, который оно открывает. Это был длинный, погруженный в непроглядную темень коридор, в котором совершенно невозможно встать в полный рост. Сколько мы так шли, я не знаю, но шея и спина успели существенно окаменеть. Но вот впереди послышался растущий гул множества голосов. Да, это не была галлюцинация, впереди и впрямь пели, причем не на один голос. Следом за голосами моего обоняния достигли запахи благовоний, тяжелым облаком повисшие в этом замкнутом пространстве. И вот, в довершение ко всему, впереди показался слабый свет.

Когда же коридор закончился и мы шагнули на залитую светом поверхность, то с трудом смогли подавить вздох изумления. Я, Тэо и Сэ'Паи Тонг оказались в огромной зале овальной формы. Внутри было на удивление тепло и светло. По краю залы стояли все наши мастера, и они пели. Их голоса, казалось, заставляли вибрировать окружающее пространство. Было ощущение, что глубокое размеренное пение заставляет колебаться и дрожать от волнения воздух. А быть может, это просто меня начинала колотить нервная дрожь.

Я уже говорила, что очень плохо помню место, где была рождена, как и родителей, что даровали мне жизнь. Я вовсе не помню имени, что дала мне родная мать, но зато я очень хорошо помню тот день, когда переступила порог Дао Хэ. Словно именно с этого шага, разделявшего мир за пределами монастыря, и начиналась моя жизнь. Удивительно, как избирательна память человека... Хотя, быть может, в этом и заключалось пробуждение Тени, что происходило в стенах монастыря. Я не знаю.

Помню лишь невероятную боль, что резала мне сердце и заставляла корчиться в судорогах у самых ворот монастыря. Это было, как если бы кто-то выдрал из моей груди кусок плоти. Первым, что я смогла отчетливо разглядеть, было лицо моего Сэ'Паи. Он улыбался, склонившись над моим маленьким тельцем, и тихо говорил: «Потерпи, малышка, скоро пройдет. Потерпи, мы даже представить не могли, что Тень твоя будет так сильна, ведь ты девочка».

А я просто смотрела на него, не понимая ни слова из сказанного, и находила поддержку в его глазах.

Позже Сэ'Паи Тонг объяснил мне, что девочки с таким даром, как у меня, рождаются крайне редко, и сама вероятность того, что Тень войдет в женское тело, крайне мала. Но даже если это и происходило, частенько случалось так, как произошло с Люи. Женщин среди теней практически не было... Тем более среди тех, кто переживал Великий День...

Но, как это ни странно, умереть сегодня я не боялась. Ведь страх смерти ведом лишь тем, кто существует. А я всего лишь Тень. Как и все мы...

Песнь мастеров стала тише, но они не замолчали, а продолжали свой тихий напев. Сэ'Паи Тонг вышел в центр залы и, сложив руки на груди, глубоко поклонился.

– Братья мои, – вслух заговорил учитель, – сегодня особый день для двух наших учеников. Им предстоит умереть и родиться вновь, обретая Лицо. И каждый из нас будет незримо сопровождать их на этом не легком пути. Мы все вздохнем сегодня последний раз, чтобы задышать полной грудью уже вместе с Тэо и Дайли. Паи, подойдите ко мне.

Отбросив все посторонние мысли, я сделала шаг, устремляясь к центру залы. Как только мы подошли к мастеру, пение, что заполняло собой все окружающее пространство, изменилось. Не знаю, как им это удавалось делать при помощи одного лишь голоса, но выводимая монахами мелодия стала более энергичной. Создавалось впечатление, что, кроме слов, в ней появилось дыхание. Особая ритмичность наполнила все вокруг.

Учитель мысленно попросил нас лечь у его ног на спину, что мы тут же исполнили.

«Дыши вместе с нашими голосами, Дайли. Отпусти свой разум, выпусти Тень на поверхность, позволь ей вести себя. Мы все одно целое. Ступай, Дайли, и ничего не бойся. Твои ноги это земля, – очень тихо продолжал говорить Сэ’Паи, помогая войти в транс, – твои руки это вода, твое сердце – огонь, твой разум – воздух. Отпусти его!»

Резкий выдох, и невероятное чувство легкости и счастья знакомо затопило сознание, стоило отделить свой дух от тела. Я по обыкновению разглядывала себя со стороны и откровенно недоумевала, что может удерживать меня в этом теле? Для чего держаться за брентную плоть, когда здесь так легко и свободно можно быть самой собой.

Такие мысли посещают всегда во время подобных практик, главное удержать свое сознание, не поддаться порыву и не уйти.

«Держись за свое тело, это твой главный маячок», – учил меня Сэ’Паи Тонг, когда я только тренировалась покидать физическую оболочку.

Краски вокруг стали много ярче и контрастнее, со стороны пещера, в которой мы разместились, казалась более светлой, если не сказать солнечной. Это было из-за большого количества переливающихся золотом аур присутствующих. Невероятно завораживающее зрелище.

И лишь два темных пятна портили окружающее великолепие. Будто две черные воронки, они втягивали в себя разлившееся вокруг золотое сияние. Не сразу я поняла, что одной из этих воронок является мое тело. Окутанное в темную ткань сухэйли, оно недвижимой куклой лежало на каменном полу, впитывая как губка окружающее его сияние. И чем дольше я всматривалась в эту тьму, тем сильнее разрасталась тьма, поглощая все больше сияющего пространства. В какой-то момент я поняла, что не в силах отвести взгляда от происходящего, и именно тогда тьма хищной птицей бросилась на меня.

Безвременье. Затмение полное и непостижимое, а вокруг лишь тьма. Всепоглощающая и дарующая покой и смирение. Как сладко раствориться в ней и как страшно сделать это. Мысли медленно протекали где-то на задворках сознания. И именно в тот момент, когда мне начало казаться, что я – это крошечная, беспросветная чернота, тьма вокруг меня рассеялась.

Я стояла на скалистом уступе, и холодный пронизывающий ветер, казалось, проникал сквозь кожу. Взгляд невольно опустился вниз, но вместо ожидаемого темного подола сухэйли я увидела свои ноги... Вот только кожа на них лоснилась и блестела атласной тьмой. Подняв перед собой руки, я невольно отпрянула, увидев, что и они не покрыты, но так же черны.

«Боги, что со мной?!» – по привычке мысленно воскликнула я.

– Все так, как и должно быть, – бархатистый женский голос раздался со спины.

От неожиданности я резко обернулась и буквально потеряла дар речи. Прямо передо мной стояла молодая девушка, фигура ее была легка и изящна. Густые темные волосы тяжелым покрывалом окутали ее обнаженный стан. Немного раскосые зеленые глаза весело смотрели на меня. А чуть пухлые губы изогнулись в приветливой улыбке.

– Боишься, Дайли? – словно трель колокольчиков, разнесся ее голос в пространстве.

«Нет, – мысленно ответила я. – Кто ты?» – едва справляясь с волнением, спросила я.

– Ты, – так же коротко ответила незнакомка.

– Принимаешь ли ты свое Лицо, Дайли?

На последнем слове сильный поток ветра подхватил волосы девушки, откидывая их за спину и открывая ее тело моему взгляду. Мне не было нужды смотреть на нее, чтобы знать, какая она, ведь моя фигура была точным ее отражением. С одной лишь разницей: я никогда не видела себя со стороны.

Я не стала ничего ей отвечать, а лишь, повинувшись какому-то инстинкту, протянула навстречу руку. Незнакомка широко улыбнулась и коснулась кончиками пальцев моей кисти. Ее белоснежная кожа резко контрастировала с черным атласом моей руки, и в момент, когда она дотронулась до меня, я внутренне содрогнулась. Это было невероятным, но внутри меня все задрожало, а взгляд уловил лишь то, как легко мои пальцы буквально просачиваются внутрь

девушки, а вслед за ними и все тело как магнитом потянуло к ней. Мы стояли так близко, что я тонула в зелени ее глаз, растворяясь всем существом в ее теле. Это было страшно, пугающе и в какой-то момент больно. Невыносимо больно, так, будто меня неведомая сила рвала на клочки и уносила куда-то в неизвестность.

И вот, когда боль стала нестерпимой, я закричала во всю силу своих легких, но в ушах отозвался голос незнакомки, также кричащей от боли. В этот момент я открыла глаза.

Невнятные сипы доносились из моего горла, в глазах все плыло и с трудом удавалось хоть как-то сфокусировать взгляд. Полная растерянность и смятение царили внутри меня. Я с трудом смогла припомнить, где нахожусь. И в этот момент я почувствовала, как чья-то ладонь сжалась на моем затылке.

– Все хорошо, Дайли. Дыши, дыши глубоко. Ты не одна, – знакомый голос ворвался в круговорот спутанных мыслей моего сознания. Сэ'Паи Тонг, склонившись надо мной, придерживал мою голову одной рукой, а второй взялся за ту часть сухэйли, что закрывала лицо. Повинуясь инстинктам, что были доведены до автоматизма, я резко оттолкнула его руку.

– Не бойся, Паи, уже можно, – очень тихо сказал он, и я как-то разом вся обмякла, неожиданно понимая, о чем говорит мой учитель.

«Неужели...» Сказать то, что робкой надеждой зажглось в моем сердце, было страшно даже мысленно.

– Да, – ответил на мой немой вопрос учитель и, не дожидаясь дальнейших возражений, откинул сухэйли с моего лица.

Я неуверенно переступила порог комнаты, что так долго служила мне домом. Из маленького окошка сочился алый свет рассветного солнца, окрашивая стены моего жилища причудливыми золотистыми бликами. На полу лежал нетронутым мой свернутый матрас и одеяло, что так долго обнимало меня ночами на протяжении семнадцати лет, что провела я под крышей Дао Хэ. В остальном келья послушника сияла девственной чистотой, ибо у нас было все необходимое и ни к чему привязывать себя к вещам. И лишь несколько вещей смотрелись в моей комнате совершенно дико и непонятно. Поверх сложенной постели лежала моя новая одежда. Это были голубого цвета штаны, белая рубашка, темно-синяя холщовая куртка с воротником-стойкой, черный пояс, простые тапочки на жесткой подошве. Несмотря на всю незатейливость вышеперечисленного, мне это казалось верхом совершенства! Ведь вещи были цветными!

Не раздумывая более ни секунды, я одним резким движением скинула свой безликий балахон на пол и облачилась в то, что было оставлено для меня наставником. Так необычно было видеть свое тело в свете солнца. То, насколько моя кожа оказалась бледной в сравнении с остальными обитателями Дао Хэ, сперва напугало меня. Но это было естественно, если принять к сведению то, что до сегодняшнего дня она ни разу не ощущала на себе прикосновения солнца.

Тем не менее, натянув на себя новую одежду, я поспешила в келью Сэ'Паи Тонга. После завершения ритуала я плохо помню, как оказалась у ворот монастыря. Не говоря уже о том, чтобы увидеть, что с Тэо. Более или менее в себя я пришла, уже переступив порог Дао Хэ, и то благодаря энергетическим потокам, что обвивают монастырь по периметру причудливыми нитями.

Помню лишь, как заставляла себя переставлять ноги и всем существом сосредотачивалась на горной тропе, что спускалась вниз порой под самыми невероятными углами. Как-то незаметно ускользнуло от меня, куда делись все те мастера, что пели в той пещере для нас. Ведь по тропе спускались лишь я и мастер.

Беспокойство за Тэо росло с каждой минутой, заставляя меня поторопиться. Заплетая волосы по обыкновению в тугую косу, я выскочила из кельи и поспешила в крыло, где жил

Сэ'Паи Тонг. Мастер, по своему обыкновению, ожидал меня за пиалой чая. Коротко поклонившись, я вошла в комнату и присела на предложенную мне подушку.

– Как чувствуешь себя, Дайли? – начал он разговор.

«Спасибо, уже хорошо», – начала было я говорить, но мастер жестом прервал меня.

– Вслух, Дайли, привыкай отвечать вслух, – коротко сказал Сэ'Паи Тонг и улыбнулся.

– Хорошо, – на грани слышимости просипела я.

Голосовые связки совершенно отказывались слушаться спустя столько лет. Сам процесс речи давался с трудом, а голос мой был подобен скрипу, издаваемому несмазанным колесом старой телеги.

Инстинктивно я прикоснулась пальцами к саднящему горлу.

– Не беспокойся, это скоро пройдет. Я дам тебе сбор трав, который необходимо будет заваривать и пить ежедневно, тогда твои связки быстро окрепнут и разговаривать станет гораздо легче. Но пока твой сиплый голос нам лишь на руку.

– Что вы имеете в виду? – прошептала я.

– Твое задание, Дайли. Завтра на рассвете ты отправляешься в путь, и поскольку то, что ты женщина, должно оставаться тайной, твой сиплый голос будет нам лишь на руку.

– Так быстро? – известие о скором отъезде не показалось мне радостным. Более того, я сама себе напоминала птенца, что так рвался выбраться из родного гнезда, а в результате оказалось, что он так и не научился летать. Как я смогу защищать кого-то, если сама даже не знаю, чем живут люди в долине?! Ведь не может быть так, что весь мир – это лишь внутренний двор Дао Хэ. Где все просто, знакомо и понятно!

– Я чувствую твой страх, Дайли, – очень тихо заговорил мой Сэ'Паи. – Разве я плохо учил тебя все эти годы?

– Нет конечно, просто...

– Неизвестное вносит смуту в наши души, Дайли, но не стоит бояться открыть новую дверь в своей жизни, ведь за ней может ждать что-то совершенно удивительное, – странно улыбнулся мастер и вдруг встал со своего места и направился в противоположный конец кельи. – У меня кое-что есть для тебя, – сказал он, открывая створки старого деревянного шкафа, что стоял здесь столько, сколько я себя помню. – О, вот и оно, – хмыкнул учитель, с трудом выуживая из всего содержимого искомый предмет. Им оказался странного вида плоский квадрат, но стоило мастеру повернуть его в мою сторону, как я тут же замерла, словно громом пораженная.

Поверхность пластины сначала отразила свет, льющийся из окошка кельи, а буквально через некоторое мгновение и всю комнату. Но не это поразило меня, а сидящая на небольшой подушечке фигурка. Не сразу до меня дошло, что такое выудил из своих запасов Сэ'Паи Тонг, когда же это произошло, я тут же вскочила с места и отпрыгнула в противоположный, не отражаемый зеркалом угол.

– Что делаете, Сэ'Паи? – прохрипела я.

Должно быть, моя реакция на простой во всем мире предмет показалась бы не сведущему человеку смешной, но только не тем, кто с рождения был вынужден прятать лицо, взращивая внутри себя Тень. Зеркала в Дао Хэ были под строжайшим запретом. Тень, отразившаяся в зеркале и посмотревшая на себя, была способна уничтожить сама себя, это знал каждый. Желających проверить на себе всю правдивость этой общеизвестной информации, как вы могли догадаться, не было.

– Не бойся, Дайли, теперь можно, – улыбнулся мужчина и шагнул в мою сторону. – Ты обрела Лицо, теперь Тень подвластна тебе, она признала в тебе Достойную. Конечно, в истории нашего монастыря было всего две женщины, которым удалось пройти ритуал обращения, но их Тени были настолько слабы, что сомнений в результатах не было ни у кого. Да и было это очень

давно... Да не об этом речь, посмотри на себя. Я решил, что тебе, как девушке, это должно быть особенно интересно.

– С чего бы? – фыркнула я, осторожно косясь на зеркало, что на вытянутых руках направлял в мою сторону мастер.

На его лице обозначилось замешательство, должно быть, он ожидал другой реакции.

– Не знаю, мне казалось, женщины любят себя разглядывать. – Не знаю, показалось ли мне, но учитель явно был смущен.

– Ну, раз так...

Я осторожно шагнула в сторону учителя и из-под ресниц взглянула на себя со стороны.

Ну, что я могу сказать о себе... я похожа на доходягу, в сравнении с Тэо или с мастером. Ощущения такие, что мне странно, как я стою на ногах, не сломившись пополам. Даже свободно пошитая куртка не может скрыть худобы, узости плеч и того, насколько худы мои ноги. Кожа на лице и запястьях, как, впрочем, и на всем теле, очень бледная, не сравнить с красивой смуглостью Сэ'Паи Тонга. Зато мои волосы, длинные и блестящие, явно выигрывают у лысого черепа мастера. Зеленые чуть раскосые глаза тоже мало походили на карие глаза Сэ'Паи Тонга. В какой-то момент я поняла, что уже видела это лицо! Не далее как сегодня ночью я разговаривала с незнакомкой, что сейчас отражалась в зеркале.

– Я уже видела себя, – невнятно пробормотала я, но мастер все же услышал меня.

– Да, так обычно и бывает. Ведь не просто же так этот день называется «Обретением Лица», – на этих словах он отставил зеркало, и я облегченно перевела дух.

– Сэ'Паи, могу я задать вопрос?

– Почему ты спрашиваешь?

– Я хотела узнать, где Тэо? – с затаенным дыханием спросила я. Все это время я гнала от себя непрошенные мысли о том, что он мог не пройти испытания, и сейчас очень боялась получить ответ.

Сэ'Паи Тонг осторожно опустил на пол зеркало, после чего вернулся на свое место, жестом предлагая и мне сесть рядом с ним.

– Пойми, Дайли, после Дня Обретения Лица ваши пути расходятся. У Тэо своя миссия и свое предназначение. Кроме тех из нас, кто навеки решил посвятить себя служению в Дао Хэ, истинного лица новой Тени не дано знать никому. Это закон. Для твоего спокойствия скажу лишь одно – с ним все хорошо.

Я коротко кивнула, не стараясь скрыть облегчения, что с моим другом все хорошо. Он жив, а это самое главное. Печалило меня лишь то, что вчера я видела его в последний раз. И кто знает, сведут ли нас тропы жизненного пути?

– Пора обсудить детали твоего путешествия, Дайли, – как бы невзначай заметил учитель.

– Да, – наконец я была готова выслушать то, что уготовила мне судьба.

– Не сердись на старика, но начну я немного издалека, – тепло улыбнулся Сэ'Паи Тонг, поправляя несуществующие складки на своем одеянии. – Прежде всего, хочу пояснить для тебя некоторые моменты, Дайли. Как, например, то, почему тебе придется выдавать себя за юношу. В Аире у женщин особое положение, Паи. Незамужняя девушка не имеет права путешествовать без сопровождения родственников или опекунов, не говоря уже о том, чтобы выступать в роли охраны члена королевской семьи. В правах женщины тоже сильно ущемлены, ты не сможешь самостоятельно даже снять комнату в придорожной таверне, потому будет гораздо удобнее, если о твоей половой принадлежности никто не будет знать.

Я возмущенно вскинула брови и тут же перебила учителя, чего никогда себе не позволяла.

– Как я смогу жить в этой стране?! – несмотря на хрипоту, восклицание мне все же удалось. – Меня не воспитывали так! Хорошо, я притворюсь мужчиной на время задания, а дальше-то что? Посмотрите на себя и на меня! Я в несколько раз меньше вас, чтобы выдавать

себя за мужчину или мне юношей до конца жизни ходить? – на последнем слове горло буквально сдавило болезненным кольцом, что собственно и заставило меня замолчать.

– Успокойся, Дайли, не беги вперед, – ухмыльнулся Сэ’Паи Тонг. – Если ты сама не сообразишь, куда тебе податься после выполнения задания, то вернись к началу, а я подскажу, – расхохотался он.

Что так развеселило учителя, так и осталось для меня тайной. Зная этого человека достаточно хорошо, я прекрасно понимала, что когда Сэ’Паи Тонг переходит на иносказательный тон, то получить от него информацию практически нереально.

– Сейчас на тебя надета форма воспитанника Ю Хэ, у меня в этом монастыре есть друзья, так что вот твои сопроводительные документы. О том, что ты из Дао Хэ, будет в курсе один лишь Император, но и он не должен знать, что ты девушка.

Ю Хэ – это еще один монастырь на востоке страны, вот только воспитывают там будущих телохранителей и воинов, ни о каких магически одаренных учениках там и думать не думают. Но не это озадачило меня в данный момент, а последняя фраза наставника.

– Вы хотите, чтобы я врала Императору?

– Запомни, Дайли, – лицо Сэ’Паи вмиг утратило прежнюю веселость, – Тень не принадлежит никому. Мы врем, когда это нужно нам. Мы служим лишь тем целям, которые сами ставим перед собой. Император лишь человек, а ты Тень. И эта поездка прежде всего важна для тебя, для твоего взросления. На верность мы присягаем лишь монастырю и нашим законам. Мы не принадлежим никому, запомни это, Дайли. – Я коротко кивнула в ответ на слова учителя. – Теперь непосредственно о том, что требуется от тебя. Дочь Императора Иола с детства обещана в земли Властителей льдов. Император сильно взволнован предстоящей поездкой, тем более будущий зять отрядил своих людей для сопровождения принцессы. Его волнение вполне объяснимо: хозяева северных земель, или, как мы их называем, Властители льдов, весьма непросты. Каждый представитель мужского пола в этой стране рождается с мечом в одной руке, образно выражаясь конечно, и магическим даром в другой. Кроме того, это впервые, когда правитель Севера согласился на династический брак. Да что там говорить, это впервые, когда северяне обратили свой взор в сторону иноземцев, то есть иноземок, – на последнем слове Сэ’Паи несколько замялся, но тут же взял себя в руки. – Понимаешь ли, Дайли, Властители льдов не совсем люди...

– Что вы имеете в виду? Я ни о чем подобном не слышала, – спросила я.

– Энергия, что дарована каждому из них, чем-то напоминает Тень, что живет в тебе, с одной лишь разницей. Властители льдов не становятся, а рождаются иными.

– То есть для них нет перехода?

– Нет. Это особенность их народа.

– В чем заключаются их способности?

– В основном это умение управлять энергетическими потоками, явлениями природы.

– Что-то еще вам известно о них? – С каждой минутой предстоящая поездка нравилась мне все меньше и меньше. Одно дело скрывать свое истинное «Я» от тех фокусников, что гордо именуют себя магами, и совсем другое дело, когда перед тобой существа, которых и людьми-то можно назвать с большой натяжкой... ведь, что касается себя, я точно знаю, что это не так.

– К сожалению, больше ничего. Ты же сама знаешь, насколько закрыта эта страна, – учитель устало покачал головой, – но вот тут и начинается твое задание номер один: сбор информации. Для нас это важно, Дайли.

– Еще бы, – хмыкнула я. – Номер два?

– Скрыть во что бы то ни стало свою суть, – просто ответил Сэ’Паи Тонг. – Назовем это проверкой твоих умений.

– Есть ли номер три, Сэ’Паи?

– Доставить принцессу Иолу в земли Властителей льдов живой и невредимой, – широко улыбнувшись, сказал Сэ'Паи Тонг. И почему только мне так не понравилась эта его благодушная улыбка?

Долго мы еще проговорили в тот день с мастером. Много наставлений и правил поведения пришлось выслушать мне. Но я ловила каждое слово дорогого мне человека, прекрасно понимая, что завтра мы расстанемся и, возможно, не свидимся в реальном мире уже никогда. Конечно, я смогу обратиться за помощью или советом к учителю ментально, но ведь это будет уже не то... Совсем не то.

Сэ'Паи Тонг сказал, что сможет проводить меня лишь до подножия гор, дальше же мне придется проделать свой путь одной. На этом мне торжественно вручили небольшой кожаный мешочек с денежками (деньгами содержимое назвать даже с натяжкой я не могу), карту, походный мешок со сменным бельем, одеждой и туалетными принадлежностями, что со скрипом выделил Сэ'Паи Лю, наш хозяйственник по монастырю. Сэ'Паи Ву принес шест из дерева Тому, что крепче стали и легче перышка, два хорошо сбалансированных парных клинка и маленький ножик. Все подарки я с детским воодушевлением рассмотрела, после чего с небывалой гордостью отволокла к себе в комнату.

Было и еще кое-что, что дал мне уже мой мастер. Отчаянно краснея, смущаясь и запинаясь в словах, Сэ'Паи Тонг достал широкую полоску ткани с маленькими железными крючочками по одному из краев.

– Это... это... сюда... надо... вот так, – нелепо жестикулируя руками на уровне груди, лепетал мой бесстрашный мастер.

Конечно, я давно поняла, что он хочет мне сказать, но уж больно было забавно посмотреть, как обычно невозмутимый и всезнающий Сэ'Паи Тонг смущается и не находит слов. Когда же мастер решил для наглядности примерить на себя сей предмет туалета, я не выдержала и улыбнулась.

– Я поняла, Сэ'Паи. Не надо надевать, растянете, потом держать не будет.

Сэ'Паи Тонг облегченно вздохнул и сунул мне утяжку для пусть и не большой, но все-таки женской груди.

– И еще кое-что, – задумчиво проговорил мастер. – Воины школы Ю Хэ носят определенную прическу, Дайли. Тебе надо будет научиться плести эту косу и впредь носить ее. Иди сюда, я научу тебя как.

Когда пальцы Сэ'Паи Тонга коснулись моих волос, у меня остался лишь один вопрос: «Когда эти, с позволения сказать, воины занимаются своими тренировками, если для того, чтобы заплести их “особую” косичку, надо часа два как минимум?!»

«Тунеядцы», – решила я про себя.

Утро встретило меня студеным горным воздухом, чистым как слеза, ярко-алым солнцем и пустынным двориком монастыря. Лишь одинокая фигура Сэ'Паи Тонга, что недвижимо стоял посреди двора, говорила о том, что это утро, когда мой жизненный путь делает очередной виток. Я бесшумно подошла к мастеру и коснулась его плеча.

– Я готова, – прошептала я.

Сэ'Паи молчаливо кивнул и направился к выходу из монастыря.

Мы достигли подножия горы к полудню. День предвещал быть солнечным и теплым. С непривычки мне стало тяжелее дышать. Все же это был мой первый спуск за долгие годы.

– Есть у меня еще кое-что для тебя, Дэй, – непривычное имя резануло слух.

Согласно документам, что вручил мне Сэ'Паи, теперь меня звали Дэй Ли, ученик школы Ю Хэ шестого года обучения семнадцати лет. На самом деле я была старше, но в силу своей физиологии на юношу более старшего возраста не тянула совершенно.

Интересно, кем меня назначат при принцессе? Пажом? Лично я ни за что бы не поверила, что сопливый юнец может быть телохранителем ее высочества.

– Еще подарки, – саркастично заметила я, с трудом удерживая в руках шест, мечи и дорожный мешок.

– О да, – хмыкнул мастер, рукой указывая на обособленно растущий кустарник, чуть в отдалении от тропы.

Не сразу я поняла, что имеет в виду учитель, так как мой «подарок» в этот момент увлеченно жевал растительность с другой стороны куста. Но таковая, по всей видимости, закончилась на противоположной стороне, и сначала показались огромные серые уши, а затем и все остальное.

– Осел? – едва сдерживая негодование, прохрипела я.

– Да, – с видом великого благодетеля ответил Сэ'Паи Тонг. Его довольное смуглое лицо расплылось в улыбке, мне же показалось, что меня сейчас пробьет нервный тик. Или уже пробил?

– З-зачем? – все, что мне удалось выдавить из себя.

– Ну не тащить же все эти вещи на себе? И потом, верхом ехать куда веселее, чем идти пешком.

– Вы хотите, чтобы ко двору я явилась верхом на... этом? – Должно быть, выражение моего лица стало настолько красноречивым, что Сэ'Паи сменил свою довольную мину на непонимающую, глубоко вздохнул и сказал:

– Дэй, как ты себе представляешь, что скромный послушник Ю Хэ имеет средства на лошадь?

Обреченно вздохнув, мне оставалось лишь признать правоту мастера.

Вот так рушатся наши мечты о великих свершениях. Мечтаем быть на белом коне, а оказываемся на сером осле. Но учитель, как всегда, прав. Моя задача быть неприметным недотепой, не вызывающим подозрений послушником монастыря Ю Хэ. А не великой воительницей на огромном жеребце с мечом в одной руке и энергосферами в другой.

– Спасибо, Сэ'Паи, Вы, как всегда, правы, – выдавила я из себя некое подобие улыбки.

– Не за что, Дэй, – хмыкнул учитель, повернулся ко мне спиной и направился в сторону тропы.

И тут я поняла: «Он уходит! Мой Сэ'Паи уходит! Раз и, быть может, навсегда покидает мою жизнь!» Растерянным взглядом я смотрела ему вслед и не знала, должна ли я что-то сказать, или то, что сейчас происходит, нормально? Так и должны прощаться люди?

– Мы не прощаемся, – неожиданно заговорил Сэ'Паи, вполоборота повернувшись ко мне. – Ты всегда можешь поговорить со мной, ведь не зря же я столько тебя этому учил? Просто потянись ко мне своей мыслью, и я услышу. Но твой путь, Дайли, он должен продолжаться уже не здесь. Я дал тебе все, что мог. Научил тому, что знаю сам, и теперь тебе пора расправить крылья, Паи.

Не дожидаясь от меня ответа, Сэ'Паи Тонг глубоко вздохнул и просто растворился в воздухе. Сейчас он призвал Тень и просто перешел из одного места в другое. Я же еще несколько мгновений смотрела в пустоту, думая, а не сон ли все это? Уж слишком нереальными были события последних дней.

– И-ааа, – решил вывести меня из задумчивости мой прощальный подарок.

«Нет, все же это не сон, – подумалось мне, а взгляд сам собой упал на «гордого скакуна». – Это просто кошмар», – довершила я свою мысль.

Единственное, что не могло не радовать: осел был уже оседлан. Мне оставалось лишь пристроить свои вещи, и можно было отправляться в путь.

К тракту, что ведет в Каишим, столицу государства Аир, мы с осликом добрались уже ближе к вечеру. Сейчас на нем было пустынно, и я уже было обрадовалась, что путешествие мое пройдет без сучка и задоринки, как эта ушастая гадина просто замерла посреди дороги соляным столбом. Сначала я подумала, что, быть может, животное просто устало, хочет еды и отдыха. В конце концов, я не слишком-то в курсе, как следует ухаживать за подобной ему скотиной. Потому я покорно слезла с животного и, решив проявить себя заботливой хозяйкой, потрусила в сторону дикорастущего кустарника, что в обилии рос вдоль всего тракта. Срезав при помощи ножа целую охапку молодых веточек, я с видом человека, уважающего свое животное, понесла набранное к ногам осла.

Мой ушастый спутник, с интересом наблюдавший все мои манипуляции, изволил опустить голову к поданному угощению, обнюхать его и совершенно безобразно проорать свое коронное «И-а», так и не прикоснувшись к тому, что с таким трудом было мной собрано. Глубоко вздохнув, стараясь успокоиться, я полезла за кожаным бурдюком с водой. Кое-как налив воды себе в ладони, я поднесла их к носу животного. На этот раз он даже не соизволил понюхать то, что я ему предлагала.

– Ладно, – прошептала я, берясь руками за поводья и легонько их потянув.

Ожидаемо, эта скотина даже не шелохнулась. Тогда я потянула сильнее, на что животное попятилось.

– В чем дело, малыш? – как можно ласковее прошептала я, решив, что запугивание животного не самый лучший способ заставить его делать то, что требуется.

«Малыш» предсказуемо промолчал и с места не сдвинулся.

– Так... – решила я подойти к проблеме с другой стороны, буквально...

Упершись двумя руками в мягкое место животного, сделав глубокий вдох и поднатужившись, я что было сил начала толкать своего «грациозного скакуна», надеясь хотя бы таким незатейливым способом простимулировать ослика к движению. Но осел был непреклонен и стоял на своем.

– Ну спасибо, Сэ'Паи, за подарок. Вот уж угодили, ничего не скажешь, – отчаянно кряхтя, шипела я себе под нос.

Даже в самых смелых своих мыслях о предстоящей миссии я и представить не могла, что вот так глупо застряну в самом начале пути, пытаюсь растолкать ушастую скотину, которая еще и орать начала, да так истошно, что мне волей-неволей пришлось отступить. Измученно опустившись на землю, я сорвала одиноко растущую травинку и засунула себе в рот.

Делать было нечего, разве что бросить упрямое животное посреди тракта и отправиться в путь пешком. Была, конечно, идея, коснуться сознания ишака и внушить ему, что нужно идти. Но сливаться разумом с животным мне совершенно не хотелось, а на легкое касание моей Тени я просто не знала, как отреагирует эта неадекватная кляча. Одним словом, солнце клонилось к земле, скакун мой замер посреди дороги недвижимой статуей, а я, если честно, порядком вымоталась не столько физически, сколько морально, устала уговаривать его сделать хотя бы шаг.

– Не хочешь идти – не надо, значит, мы остаемся тут ночевать. – На что ослик нервно дернул ушами и не спеша потрусил вперед.

Я даже сейчас не могу найти слов, чтобы обозначить свои эмоции в тот момент... Точно, не найду.

Ближе к вечеру место для ночлега все же пришлось поискать. И поскольку до ближайшего города оставалось еще минимум полдня пути, то спать нам с осликом пришлось под звездным небом. Сначала ночевка на открытом воздухе меня очень пугала, ведь в Дао Хэ ночи были невероятно холодными. В горах от всепроникающего морозного воздуха не спасали даже толстые стены монастыря. Но, как оказалось, стоило лишь спуститься вниз, и никакое жилье мне

было просто не нужно. К ночи воздух будто бы загустел, наливаясь удушающим теплом и ароматами полевых цветов. Никогда бы не подумала, что буду задыхаться от переизбытка тепла.

По мере нашего продвижения по тракту нам повстречалось лишь несколько человек, и те, по всей видимости, возвращались с каких-то рынков или ярмарок, потому как повозки их были пусты, а на лицах читалась этакая смесь удовлетворения и усталости. Должно быть, крестьяне возвращались домой после того, как удачно или не очень продали на рынке то, что смогли вырастить за лето. Оба возницы, что нам повстречались, странным и немного недоуменным взглядом рассматривали меня. Но стоило им заметить, как я в ответ разглядываю их, то тут же отводили глаза и более в мою сторону не оборачивались.

Первая ночевка на открытом воздухе прошла спокойно, хотя я очень тщательно проверила окружающее пространство на предмет чужаков. Мое сознание блуждало по округе, высматривая и наблюдая за тем, есть ли кто посторонний или агрессивно настроенный вблизи от места, где я решила остановиться на ночь. Так, не отметив для себя ничего опасного, я погрузилась в самый что ни на есть оздоровительный сон.

С первыми лучами солнца мы отправились в путь. Определенные плюсы от того, что учитель подарил мне такое животное, как ослик, были. Например, мне не требовалось его специально кормить. С этим мой спутник превосходно справлялся сам, и, кроме того, что выглядела я верхом на нем весьма комично, по моему мнению, придраться было не к чему. Осел неспешно трусил по наезженному тракту, а я так же неспешно предавалась медитации. Ближе ко второй половине дня мы оказались у въезда в небольшой город, что изначально был неким форпостом перед подъездом к столице. Но по прошествии лет изначально небольшая крепость обзавелась жилыми кварталами, рынком и, соответственно, населением, превратившись в небольших размеров провинциальный городок.

На въезде никаких проблем не возникло. Я предоставила страже свои документы о том, что являюсь учеником седьмой ступени Ю Хэ, выдержала подозрительный взгляд стража, ничем себя не выдав, и проследовала дальше. Учитель говорил, что когда я окажусь в городе, то первым делом необходимо найти постоянный двор. Не слишком дорогой, но и не из дешевых. Первый мне был бы просто не по карману, второй же грозил различными неприятностями. Я не боялась за свою безопасность, но нарываться все же не стоило. Если есть возможность избежать схватки, лучше потратить гораздо больше усилий, но сделать именно это.

По пути пришлось поспрашивать неспешно слоняющийся по улице люд, где может остановиться путник со скромным карманом. Попутно я отслеживала мысли тех, с кем разговаривала на предмет лжи. Не хотелось оказаться в непростой ситуации, если кто-то из «доброжелателей» захочет воспользоваться моей неосведомленностью. Но, как это ни странно, люди в этом городе оказались доброжелательными, и все сходились на том, что мне стоит остановиться в «Коровьем седле». О чем думали те, кто называл этот постоянный двор, я не знала, но улыбки сдержать не удалось.

Что ж, раз «Коровье седло» – так тому и быть, главное это нехитрый ужин и крыша над головой, а завтра снова в путь. Заведение находилось рядом с небольшой площадью, на которой днем проходила торговля. Сейчас же пространство перед постоянным двором было совершенно пустым, и лишь небольшие кучи мусора, разбросанные то тут, то там, свидетельствовали о том, что совсем недавно здесь происходила оживленная торговля.

Ослик, понукаемый мною, проследовал до входа в заведение и, лишь не доходя десятка метров до него, упрямо замер. Я уже поняла, что это не тупое упрямство. Просто моей звюге необходимо было время, чтобы оценить обстановку. И если что-то для него было ново или подозрительно, то он мог вот так, ни с того ни с сего, замереть на неопределенный срок. Ждать, пока он сочтет путь для себя безопасным, я не хотела, да и солнце неспешно клонилось к закату, а еще предстояло узнать, есть ли здесь свободные комнаты, а если нет, то придется их искать в другом месте. Одним словом, я положила руку на загривок животного, посылая

успокаивающий импульс. Осел дернул ушами, все же такое влияние было для него ново, и неспешно побрел ко входу на постоянный двор со звучным названием. Стоило мне слезть со своего нехитрого средства передвижения, как ко мне подошел совсем еще маленький парнишка. На чумазом личике озорно блестели карие глазки, а сам парнишка, по всей видимости, уже в уме прикидывал, сколько можно с меня получить.

– Чего изволит господин?

Я вытащила из кармана заранее приготовленную монетку и сказала:

– Пристрой мое животное на ночь и покорми.

Пацаненок, не тратя более сил на слова, ухватился за предложенную денежку и вцепился в удила моего осла.

– Постой, я возьму вещи, – спохватилась я, развязывая свою поклажу.

Вот так, в одной руке держа сумку с оружием и кое-какими вещами, а в другой шест, я вошла в приветливо открытые двери.

Внутреннее убранство постоянного двора лично меня удивило тем, что стены были убраны деревом. Раньше я такого не видела, Дао Хэ был целиком выстроен из камня, здесь же наоборот: полы, стены, потолок были деревянными. В просторном зале былолюдно, и найти свободный стол оказалось не так-то просто, как я думала. Присутствующие сидели на темных подушечках за невысокими столиками. Кто-то увлеченно рассказывал своим спутникам о том, где ему довелось побывать и куда теперь ведет его судьба. Кто-то просто ел, очень быстро орудуя палочками из темного дерева Торо, что в огромных количествах произрастало на севере Аира. Быть может, именно это и послужило причиной того, что палочки для еды делали именно из него. Ведь одно такое дерево вырастает в высоту до трех метров за неполный цикл. Одно время засилье этих деревьев на севере едва не превратило этот край в непригодный для проживания там людей. Но люди никогда не желали уступать свое, потому ежегодно вырубались огромные территории рощ Торо, а мертвое дерево обрабатывали и пускали вот на такие радости жизни, как палочки для еды.

Грустно вздохнув, перевела свой взгляд и тут же замерла. Смешанное чувство восторга и жалости растеклось в груди. В углу постоянного двора сидела девушка. Ее черные волосы были убраны в высокую сложную прическу, а сбоку заколоты деревянным гребнем, по краю которого были закреплены длинные белоснежные гирлянды из маленьких цветков, что игриво покачивались в такт движениям молодой женщины. Ее тонкие белоснежные пальцы легко перебирали струны сямисэн, выводя причудливую мелодию, так и не находя отклика в сердцах присутствующих, она просто таяла в деревянных стенах постоянного двора. Больше всего эта девушка напоминала причудливую куклу. Она была одета в дорогое кимоно бледно-розового цвета, расшитое огромными малиновыми цветами, ее лицо было мучнисто-белым, а губы алыми, словно испачканы кровью. Я знала, кем она являлась, и для этого не требовалось проникать в ее мысли. Ровно до полуночи она будет развлекать игрой тех, кто сегодня решил отужинать в этом месте, но, как только ночь переломится, она уйдет с тем, кто готов будет выложить за это довольно пузатенький кошелек. Сио'ти, «женщины, которые порхают» – так называли их в нашей стране. Рабыни, которых с самого детства растили именно для одной определенной судьбы. Позже, когда эта Сио'ти начнет увядать, ей позволят родить дитя. Если им окажется мальчик, его отдадут в мастерские, на услужение какому-нибудь ремесленнику, если же девочка, то цикл замкнется. Все просто и определенно, исключений нет.

– Молодому господину понравилась наша Сио'ти? – раздался неприятный, немного сиплый голос трактирщика у меня над ухом.

Нет, мне не понравилась их Сио'ти, мне было ее искренне жаль. А понравилась мне музыка, которую извлекали ее умелые пальцы из сямисэн. Но ничего из этого я не сказала, лишь неопределенно пожала плечами и с трудом заговорила:

– Кашу из ячменя, чай и комнату на ночь, – как можно короче постаралась озвучить я то, что мне было необходимо на данный момент. Горло, несмотря на принимаемый настой, продолжало нещадно саднить, потому моя нелюбовь к общению вслух лишь усиливалась.

– Как будет угодно, господин, – уважительно, сложив руки на груди, поклонился невысокий полноватый хозяин заведения. – Присаживайтесь, пожалуйста, вот здесь, – указал он на небольшой столик у стены. Обзор с предложенного места открывался отменный. Я без труда могла наблюдать за всеми присутствующими, но трактирщик, предложив его мне, надеялся, что так я смогу лучше разглядеть молодую Сию’ти. Следовательно, к концу трапезы буду желать не только сна, но и плотских утех. Для того, чтобы понять это, мне не было необходимости заглядывать в его мысли, достаточно было взглянуть в его горящие в предвкушении наживы глазки.

Трапезная была полна мужчин, женщин было всего несколько. Одной из них была Сию’ти, двумя другими были разносчицы, одетые в темно-серые кимоно, они ненавязчиво обслуживали собравшихся здесь мужчин. Положение женщин в Аире было весьма строгим и определенным. Как, впрочем, и положение любого человека вообще. Работающая женщина не вызывала уважения ни у кого. Скорее, к ним относились как представительницам второго сорта людей. То, что женщину было некому обеспечить, говорило скорее о ее недостатках, нежели о достоинствах. Что я знала о том, чтобы судить? Я была женщиной, выросшей за стенами монастыря, одного из самых потаенных мест нашего государства, где ко мне всегда относились как к Тени, а не как к женщине. Наши верования и убеждения различались с остальным миром, как вода и огонь. Мы не верили в Богов. На наш взгляд, единственным Богом, в которого стоило верить каждому, было его собственное «Высшее Бессознательное Я», которое, независимо от желаний сознательного, вело человека по жизни. Ему одному было известно, как стоит поступать, к нему стоило прислушиваться, ему молиться, подбирая слова так, чтобы Оно могло понять их смысл, правильно истолковав их. А то ведь никогда не знаешь, как будут восприняты неоднозначные мысли и каков будет ответ на них. Мы верили, что именно от нас зависит то, как проживем отпущенный срок. А еще, каждый монах и послушник Дао Хэ привык жить с мыслью о том, что любая жизнь – это святыня, гениальное проявление бытия, ее следовало уважать и почитать. Как же так, спросите вы, что в этом монастыре взращивались Тени, способные убивать одним своим желанием? Да, так и впрямь было. Но за каждую каплю пролитой крови мы платили высокую цену, несмотря на то, что любое убийство было оправданным и происходило лишь в том случае, когда иного выхода ни у одного из нас не было.

За моими размышлениями я едва не пропустила момент, когда мне подали ужин. Миниатюрная девушка-разносчица ловко поставила на мой столик заказанные блюда, а я, поблагодарив ее кивком головы, принялась за еду.

Сначала я не поняла, почему у каши такой странный привкус. Сладково-тошнотворный, чрезмерно затхлый с примесью эмоции, которую невозможно было охарактеризовать никак иначе, чем «страх». Животный неконтролируемый страх исходил от принесенного блюда. Но когда вместо порции каши мои палочки поймали в тарелке кусок плоти животного, мне стало все ясно. Желудок свело неконтролируемым спазмом, и я со всей доступной мне скоростью выбежала прочь из трактира.

Меня выворачивало и выворачивало, организм был не в состоянии примириться с тем, как его только что осквернили. В ушах стоял невообразимый гул, голова кружилась, а мне было так плохо, как, пожалуй, никогда до этого.

Есть плоть живых существ – одна мысль об этом была отвратительна, что уж говорить о том, что я испытывала сейчас.

Для воспитанников Дао Хэ любое живое существо обладает сознанием, душой, а есть его мясо равнозначно каннибализму.

Не знаю, сколько вот так простояла я за углом постоянного двора, но, как и все плохое, этот эпизод моей жизни подошел к концу, и я смогла безбоязненно сделать вдох. Ощущала я себя не то что плохо, а ужасно. Мне было нехорошо не только физически, но и морально. Казалось, что мою душу просто вывалили в грязь, надругались над всем ее естеством. Конечно, следовало возвращаться обратно в трапезную, хотя бы потому, что там остались мои вещи, но находиться под одной крышей с людьми, что с упоением поглощали... На этой мысли мне опять стало плохо.

Засыпала я не то что уставшей – изможденной. Что ни говори, но к некоторым реалиям жизни вне монастыря я оказалась совершенно не готова. Мне казалось раньше, что Дао Хэ – это клетка, за пределы которой мне никак не вырваться. Сейчас было чувство, что клетка эта не удерживала меня, а пыталась защитить и огородить. Видя, насколько жестока градация общества в Аире, как простая профессия влияет на отношение к тебе окружающих, невольно становилось не по себе. Еще я думала, что мое путешествие это мое испытание веры в собственные убеждения. Легко говорить о «высоком», когда живешь обособленно от всего мирского. Сложнее, когда простые вещи, принятые среди остальных как само собой разумеющееся, становятся непреодолимым препятствием на пути твоего личного духовного роста.

До сих пор живы в моей памяти образы, когда монахи и послушники Дао Хэ часами просиживали возле разложенного на камнях сохнущего белья. Следя за тем, чтобы каждое маленькое насекомое успело покинуть его пределы, дабы не навредить ни одному из них, когда пришлось бы собирать белье. Никто из нас не считал это глупым. Мы учились уважать жизнь во всех ее проявлениях, осознавая, что каждое наше вмешательство может привести к необратимым последствиям. Познавая малое, учились думать о «Великом». Люди привыкли считать себя венцом творения Богов, но ни один даосский монах не поддержит такую точку зрения. Все «мы» – это часть одного целого. И каждая клетка этого «Высшего организма» важна. Даосцы верят, что устройство вселенной зиждется на принципах построения нашего организма. Все органы, клетки, ткани – это разные формы жизни, единые в целом и различные отдельно, но стоит выйти из строя чему-то, казалось бы, незначительному, как весь организм рискует стать подверженным болезням и смерти. Все просто и столь же сложно, что для осознания всей этой простоты многим не хватает и целой жизни...

Я отправилась в путь с первыми лучами солнца. Оставаться дольше в этом городе не было ни смысла, ни желания. И вообще, несмотря на настоятельный совет Сэ'Паи Тонга, я решила более не останавливаться на постоянных дворах. Моя чувствительность к мыслям окружающих, к их эмоциям и пристрастиям была слишком острой. Мне было неприятно находиться в одном зале с людьми, подавляющее большинство из которых думало о трех вещах: деньги, секс, будущее. И ни один из присутствующих за весь вечер не задумался над тем, что, возможно, деньги придут к нему, если он будет трудиться. А секс должен быть с согласия женщины или, чтобы получить что-то желаемое в будущем, нужно достойно прожить настоящее.

Когда я закрывала снятую на ночь комнату, дверь напротив моей распахнулась, а на пороге возникла растрепанная и уставшая за ночь Сио'ти. Ее волосы черным водопадом разметались на плечах и спине, красивое цветное кимоно было неаккуратно завязано на поясе так, что открывало оно гораздо больше, чем должно было бы. А яркий макияж темными кругами растекся под глазами. Но стоило девушке заметить меня, как весь ее заспанный вид испарился, и она быстрее молнии упала на колени, кланяясь до самого пола.

– Господин, прошу простить меня, – прошептала она.

А мне стало очень неловко, что я явилась свидетелем такой откровенной и настоящей сцены ее жизни. Я бы с удовольствием постаралась пройти мимо нее. Но в своем желании не прогневить меня она закрыла единственный проход с этажа своим телом. Возможно, как господину, мне следовало как-то накричать на нее или отчитать за недостойное явление предомной. Но, как послушнику Дао Хэ, начавшему совсем недавно говорить, мне больше всего

хотелось перепрыгнуть через нее и по-быстрому покинуть постоялый двор. Но, пожалуй, такой поступок унизил бы ее еще больше.

– Поднимись с колен, – прохрипела я.

Сио’ти незамедлительно исполнила просьбу и встала передо мной, потупив взор. На языке этикета, негласно принятому среди женщин Аира, это означало «робко внимаю воле твоей». На языке мыслей, что сейчас роились в голове женщины, читалась обреченная усталость и обида... на меня?! Стало интересно, и, не удержавшись, проникла чуть глубже.

«Я так старалась, чтобы вчера меня выбрал ты! Молодой, сильный, красивый... А провела очередную ночь под стареющим купцом! Чем плоха была я для тебя? Чем?!»

Вынырнула из омута чужих рассуждений, словно меня окатили студеной водой. Судорожно сглотнула, думая над тем, нужно ли мне еще что-то сказать или лучше перебирать отсюда ногами и побыстрее. В целом больше всего меня поразило даже не то, что ей понравилась я, а то, что она хотела этого сама. Никем не понукаемая, хотела провести эту ночь с молодым воином Ю Хэ. А как же рабство? Принуждение?

На этом месте я пока не знала, что сказать.

– Ступай, – велела я с напускной холодностью.

Сио’ти коротко поклонилась и, не поднимая взгляда, мелкими шажками направилась к выходу с этажа.

Недолго подождав, пока ее фигура скроется за поворотом, который выходил на общую лестницу, последовала за ней.

Город только начинал свое пробуждение от ночного сна, когда я и мой верный ослик покинули его пределы. Впереди нас ожидало долгое путешествие, прежде чем пред нами распахнет свои объятия столица и Императорский дворец Солнца и Луны, как издавна было принято называть резиденцию, где проживала вся императорская семья нашего правителя. На самом деле Аир уже очень давно империей не являлся. Это была не маленькая, но и не слишком большая страна. Но тщеславие правителей и гордость за свершения предков не позволяло изменить статус. Потому уже много веков с распада Аирской Империи Солнца, в изрядно уменьшившейся в размерах стране, продолжал существовать Император Солнца, Дворец Солнца и Империя, которая вовсе ею не была, но тоже Солнца.

Аир вообще славился особенным культом поклонения этой звезде. Именно «Золотое Солнце» являлось официальным гербом Аира. По всей стране веером рассыпались храмы и часовни, в которых совершали культы поклонения небесному светилу. Жрецы Солнца почитаются наравне с членами дворянских семей.

Но все это происходит в Аире. Дао Хэ не подчиняется никому и имеет совершенно отдельный статус государства в государстве. Мы не вмешиваемся в политику Аира, Император не оказывает давления на нас. Ю Хэ же это фактически закрытая школа строгого режима, где детей превращают в беспощадных воителей. В этом, как мне кажется, и есть основная трудность моей миссии. Как я смогу сочетать несочетаемое? Лавировать между своими моральными устоями и тем, что в порядке вещей в монастыре Ю Хэ?

Прошло уже больше недели, как я продолжала свой нелегкий путь. Съестные припасы постепенно истощались, благо хоть осел был в состоянии добывать себе пищу. Именно тогда, когда я впервые осознала всю прелесть того, что это животное может заботиться само о себе без особой помощи с моей стороны, я впервые сказала спасибо за подарок Сэ’Паи. Правда, не все было столь радужным, поскольку ослик порой мог закатить настоящую истерику посреди оживленного тракта. Учítывая, что теперь я побаивалась не то чтобы касаться его эмоций, но даже улавливать их. Оказалось, что делать это в стенах монастыря или на пустых дорогах куда легче, чем когда вокруг тебя невероятное множество людей. Каждый из которых держал

в голове множество мыслей, надежд, фантазий, приправляя все это эмоциями и физическими ощущениями.

Однажды я попыталась успокоить осла привычным способом и едва не упала с него от нахлынувших мыслей и страхов окружающих. В тот момент особенно четко поняла, что мне еще многому стоит учиться. Не все так просто, как представлялось ранее. Как и то, что мне будет очень тяжело справляться с возложенной миссией одними физическими умениями. Взять хотя бы того же осла: ни мои уговоры, ни увещевания о скором отдыхе, безопасности, еде не действовали совершенно. Не могла же я водрузить его себе на плечи и тащить туда, куда было нужно? Конечно, могла, но, опять же, применяя способности, коими пользоваться мне было запрещено. Тем временем животное продолжало замирать и истошно орать всякий раз, когда ему начинало казаться, что где-то рядом притаилась угроза. И хочу я вам сказать, казалось ему так довольно часто. Уж не знаю, была ли угроза реальной, но до сих пор мы продвигались без происшествий. Но, как бы там ни было, продвигались же! И вот, по истечении трех недель нашего пути, на горизонте появился образ города, что словно из сказки вырисовывался в предрассветных сумерках. Мы находились на возвышенности. Еще вчера вечером было принято решение уйти с основного тракта и продвигаться окольными тропами. Уж слишком людным он становился. А, как мне казалось, с ослом могли возникнуть основательные проблемы – и если бы он встал где-то посреди дороги, перекрыв движение другим подводам, то проблемы были бы уже у меня. Благо что местность была относительно лесистой. Нам не составляло труда двигаться по ней параллельно тракту. Деревья хоть и росли здесь гораздо в большем количестве, чем на востоке, все же лес был проходим. Я просматривала пространство, высвобождая сознание – так нам не грозило напороться на разбойников или заблудиться. Именно тогда я и заметила холм, с которого открывался невероятный вид на Каишим, столицу Империи Солнца.

Город даже издали казался огромным, но его размеры не являлись препятствием для опоясывающей его стены из красного кирпича. В Каишим вело четыре входа, носившие названия согласно сторонам света и верованиям граждан Аира. Мне предстояло войти через Врата Востока – или Рассвета, как их еще называли. Покидать же город придется через Врата Солнцестояния, или Северные. Также были Врата Заката, или Западные Врата, и, как можно догадаться, Южные Врата, или Лунные.

Дворец Солнца и Луны стоял в самом центре города, на пересечении дорог, ведущих от Южных Врат к Северным. Пересечение Западных и Восточных путей было чуть ниже – должно быть, строители просчитались? Хотя это было маловероятно. Города в Аире не просто строились, они продумывались от и до. Не было случайных построек или лишенных смысла путей. Я смотрела на город, а в душе радовалась той возможности, что выпала мне в этой жизни. Увидеть Каишим воочию стоило хотя бы раз! Причудливо изогнутые крыши домов, покрытые сияющей на солнце цветной черепицей, подкрашенной розовыми лучами восходящего солнца. Разнообразие архитектурных веяний завораживало. Каждый дом был произведением искусства, вот единственное, что омрачало картину, было тем, что все дома были построены из дерева. Это угнетало чувство прекрасного, что зарождалось внутри. Но в то же время я заставляла себя не думать об этом. Хотя это было и сложно, когда стоишь посреди живого леса, где каждое дерево общается с тобой и со всем миром. Зеленые кроны шепчут, радуясь новому дню, их корни держат друг друга, как руки самых верных друзей. Но вот приходит человек с железным топором и вспарывает прочную «кожу» дерева, что стояло тут, когда его убийца еще даже не родился. А потом руки мастера обработают древесину, превратив в необходимый материал для постройки очередного жилища... Это было печально, но необходимо. Я понимала.

К тому времени, как мне удалось уговорить осла спуститься с горы, было уже позднее утро. Когда мы смогли добраться до Врат Рассвета, время близилось к полудню. А еще нужно было пройти стражников и добраться до центра Каишим, благо хоть дорога к нему была прямой

и плутать по незнакомым улочкам не придется. На несколько сотен шагов перед входом в город стояли груженные подводы, запряженные мулами и лошадьми. Стоял оглушающий гам, потому как день только начинался, стоять людям предстояло долго, а ничто так не красило ожидание, как беседа с людьми, которые никогда не узнают, ни кто ты, ни что из себя представляешь. Так что можно было врать, никого не стесняясь, наслаждаясь самим процессом общения. Ну, или просто красиво рассказывать о себе, своих успехах. Конечно, не все говорили об этом, кто-то занимался тем, что пересказывал последние сплетни Аира. Вот как раз одна такая сплетня и заставила прислушаться к тому, о чем говорили вокруг.

– Да я тебе точно говорю! Северяне еще вчера вечером прибыли! – все больше распаляясь, говорил грузного вида мужчина, поправляя крепежи на повозке.

Рядом с ним стоял мужчина худощавого телосложения, высокого роста, с видимыми седыми волосами в длинной, некогда черной косе. Он был одет в темно-серую рубаху, черные простые штаны и подпоясан ярко-оранжевым поясом.

В Аире большое значение уделялось цветам носимой одежды. Не всей, конечно. Но определенные ее части могли рассказать о многом. Так, например, оранжевый пояс говорил о том, что человек начинает новое дело и надеется на сопутствующий успех. Отсюда вывод приходил сам собой: этот пожилой мужчина начинающий торговец. Но если бы не пояс, то это мало кто бы понял.

– Да тебе-то откуда знать? – вспыхнул мужчина и раздраженно хлопнул ладонью по боку повозки. – Ты вчера со мной вместе плелся по пыльному тракту, а сегодня уже знаешь, что во двореце произошло? Ну и трепло ты, Коаси!

– Я? Трепло? – раздраженно прошипел здоровенный мужик. – Да если бы ты не проспал все утро в повозке, то сам бы знал то же, что и я! Вся толпа обсуждает сегодня эту новость!

– Да? – скептически фыркнул собеседник. – И что же понадобилось северянам в Каишим?

– Шиоси, ты все такая же деревенщина, как и был! Ничем не интересуешься! – мужик раздраженно провел рукой по волосам. – Император дочку свою замуж отдает за их... – тут мужик замялся, явно собираясь с мыслями, чтобы правильно произнести иностранное слово. – Л-лорда, – кое-как проговорил Коаси.

– Лорда, болван! И я еще деревенщина? – сказал Шиоси, подходя ближе к другу. – А зачем их лорду наша Иола? – хитро сощурившись, прошептал мужчина.

– Сходи к Императору и спроси, ты же у нас самый умный, он тебе обязательно расскажет, – почти дружелюбно проворковал Коаси.

Больше слушать перепалку двух «друзей» мне не хотелось, да и времени, как выяснилось, у меня оставалось очень мало. Северяне прибыли, а я все еще в пути. Не то чтобы я воображала себя такой уж важной персоной, но задача у меня была определенной, и я уже не справлялась с ней.

Ослик «грациозно» соскочил с наезженного тракта и, понукаемый моими коленками, потрусил к воротам. То ли земля у него под ногами была чересчур ухабиста, то ли я за время путешествия окончательно исхудала. Но эта пробежка вдоль очереди повозок верхом на осле растрясла меня так, что я уже не представляла, как буду слезать с его спины.

Как бы там ни было, но до самих Врат Востока мы добрались довольно быстро и без происшествий. Проблемы начались, когда попытались взобраться вновь на основную дорогу. Поскольку процедура проверки документов и грузов шла согласно процедуре добровольного пожертвования на нужды стражников, то есть крайне медленно и неохотно, то весь собравшийся люд был уже изрядно на взводе. И тут еще и я попыталась влезть без очереди. Официально я имела полное на то право. Ученик Ю Хэ – это личная собственность императора. Да, именно собственность, но не кого-то там, а Императора. Потому каждый житель Империи Аир обязан оказывать уважение и содействие таким, как я. И если мне необходимо попасть в город,

то им необходимо пропустить. Но не все то, что написано или подразумевается, выполняется на деле. А сейчас около врат происходила настоящая давка. Я готова была поспорить, что причина была не в документах на товар, которые столь придирчиво изучал стражник. Досматриваемый купец вел довольно внушительный караван, а отчислять достаточную сумму страже не желал. Стражник не хотел так просто сдаваться и продолжал трепать нервы торговцу. Соответственно, нервы сдавали у всей толпы. То и дело слышались возмущенные вопли и реплики типа:

«Да дай ты ему уже, сколько просит! Я тебе сам разницу верну, как пройдем!»

«Сколько можно, торговый день начался, а мы еще даже не в городе!»

Дальше следовала отменная брань и ругань, но смысл был один: «Плати и не задерживай».

Конечно, подобные поборы в большей своей степени были незаконными. Но власть с успехом закрывала на это глаза, потому как доказать что-то в этом случае было нереально. Да никто и не пытался, если говорить честно. Взятчикам в Аире полагалась смертная казнь, тем, кто давал взятки, – отрубали руки. Таким образом, закон никто не соблюдал, но никто о том и не говорил. Потому как, если тебя вынудили дать взятку, и ты это сделал, а потом пошел с жалобой, то сам же без рук и останешься. Если же пожалуешься, что у тебя ее вымогают, то это необходимо подтвердить. Никто выступать свидетелем в подобном вопросе не станет, так как у каждого из возможных есть свое дело, терять которое никто не хочет. А «клевета» на стражей закона и порядка в Аире карается тоже достаточно строго, чтобы отбить всякое желание у пострадавших жаловаться на произвол властей. Но не все так страшно: взятки находятся в четко установленных рамках и на каждую категорию услуг есть своя неофициальная цена. Быть чиновником в Аире – это иметь весьма доходное дело, не тратя при этом ни т'яна³.

Я легко соскочила с осла и, не тратя времени, уверенным шагом направилась к хранителю порядка Каишим. Страж оказался довольно молодежавым на вид мужчиной, с приятным, располагающим к общению лицом. Вот только взгляд его казался каким-то сальным, мутным и неприятным. Не зря говорят, что, смотря человеку в глаза, рискуешь заглянуть в потаенный уголок его души. То, что виднелось на дне глаз этого человека, вызывало неприязнь к их обладателю. Но сейчас это не имело никакого значения, мне необходимо было попасть по ту сторону врат как можно скорее.

– Досточтимый страж, – чуть склонив голову в поклоне, предназначенном показать лишь мое уважение к стражнику, а не то, что мы различны в рангах, заговорила я.

Привлечь внимание стражника оказалось не сложно, поскольку момент, чтобы заговорить, я подобрала весьма подходящей. Мужчина, изрядно раскрасневшийся от длительного спора и переполняющих его эмоций, как раз делал глубокий вздох, готовясь к продолжительной тираде. Услышав обращение, он тут же повернулся ко мне. В глазах его разрасталась настоящая буря из гнева и алчности. И он уже был готов «послать» куда подальше того, кто посмел вмешаться в разгорающийся спор. Но, увидев особенности плетения косы на моей голове, с шумом выдохнул и склонил голову в ответном, чуть более глубоком поклоне.

– Чем могу я помочь досточтимому воину Ю Хэ? – спросил он.

Но стоило его устам произнести название «моего» монастыря, как по толпе волнами начал расходиться шепот. А люди, толпящиеся вокруг, стали непроизвольно пятиться, образуя вокруг меня достаточное пространство.

Если о монахах Дао Хэ рассказывали сказки – их боялись, не понимали, почитали как людей, отмеченных Богом, – то не найдется человека в Аире, который мог бы сказать, что видел даосца вживую, свободно путешествующего по стране (конечно, мы покидали монастырь, но об этом никто и никогда не знал), то воспитанников и монахов Ю Хэ видели многие. Их тоже

³ Монеты, используемые на территории Аира.

почитали, боялись и уважали, не только за мастерство, но и за то, кому принадлежали эти воины. Иногда казалось, что лишь за это...

– Я прибыл в Каишим по велению Императора, – хрипло заговорила я. – Вот мои документы, – протянула я свиток стражнику.

Тот в свою очередь положил ладони на него и опустил голову.

– Я не могу так оскорбить вас. Проезжайте, – скупно сказал он.

В случае со мной не было ни препирательств, ни попыток вымогательства, ни даже доскональной проверки документов. И тому было множество причин, но самой главной из них была та, что лишь человек, решивший свести счеты с жизнью, станет представляться «Собственностью Императора», не являясь таковой. Наказание за подобный обман в Аире было одно: смерть. С подобным не шутили и даже не столько из-за боязни наказания физической расправы, сколько из-за страха оскорбить имя Императора. Людям, представлявшимся посланниками или слугами Императора, полагалось верить на слово. Конечно, это было никем не установленное правило, но ему следовали свято и неукоснительно. Потому беспрепятственно пройдя Врата Востока, не тратя более времени даром, я направила свое упрямое животное к дворцу. В то же время я старалась украдкой рассмотреть город, что воспевали в своих песнях тысячелетиями певцы и поэты Аира. Каишим захватывал и покорял с первого взгляда. Широкие улицы, мощенные каменной брусчаткой, причудливые дома с многоярусными изогнутыми крышами в окружении цветущих плодовых деревьев и изящно остриженных кустарников. Нежный, едва уловимый аромат цветов окутывал каждого жителя этого города невидимым шлейфом, яркое солнце, отражаясь от красных крыш домов, подсвечивало город розовыми тонами. Перед каждым домиком располагался небольшой фонтан или пруд, ведь вода для жителей Аира, как, впрочем, и любая другая стихия, несла в себе особое значение. Считалось, что вода – это символ смирения и продолжения жизни, а также, что именно вода очищает от мирских грехов, примиряя каждого человека с внутренним «Я». Не знаю, помнили ли жители Каишим, олицетворением чего является пруд или фонтан перед родным домом, но мне бы хотелось в это верить.

Жители Каишим отличались от подавляющего населения Аира. Во всяком случае, того населения, что встречалось мне за время моего путешествия. Первое, что бросалось в глаза: среди встречаемых мной жителей не было бедняков. Не потому, что у горожан висели толстые кошельки с золотом на поясах, вовсе нет, но каждый из встреченных мною был опрятно и чисто одет. Даже если кимоно кого-либо не отличалось дороговизной, то цвет пояса на нем говорил о принадлежности к той или иной школе мастеров. Каждый, будь то мужчина или женщина, старался держаться с достоинством и согласно своему общественному статусу. Все это было настолько натянутым и неестественным, что походило на неожиданно ожившие иллюстрации из книги о подобающем поведении для младших учеников. Но мне также удалось заметить, сколь много стражников оказалось за стенами города. Хоть их темные одежды и должны были быть незаметны, но вместо этого делали их невероятно выделяющимися из общего числа граждан. Сперва я подумала, что это должно быть нормальным для Каишим, все же столица, город, в котором живет Император, но заметив реакцию местных жителей: стоило им ненароком столкнуться с представителями правопорядка, как каждый из них старался как можно быстрее выскользнуть из поля зрения стражей – мне стало ясно, что меры такой повышенной безопасности чужды для Каишим и неприятны горожанам.

В это время очередная пара блюстителей порядка уверенным шагом приближалась ко мне.

– Просим простить нас, – легкий поклон, обозначающий лишь формальную вежливость. – Но мы хотели бы увидеть ваши документы, – заговорил один из стражников, облаченный в черный кожаный доспех и особый головной убор, что толстым кожаным ремешком опоясывал его шею.

– Конечно, – лишь легкий кивок головы, который не остается незамеченным для стражников. Достав недавно убранный в сумку свиток, протягиваю страже так, чтобы в первую очередь бросалась в глаза печать Ю Хэ.

Оба стражника, заметив печать, протягивают ладони к свитку и кланяются уже куда более почтительно.

– Господин нуждается в сопровождении? – спрашивает второй стражник, на вид кажущийся совсем мальчишкой. Хотя я и сама со стороны кажусь едва ли не подростком.

Отказываться было бы невежливо, соглашаться не хотелось, но, как и всегда, приходится делать то, что необходимо, а не то, что хочется.

– Благодарю, – ответила я, понукая ослика ехать вперед. Стражники молчаливыми тенями последовали за мной.

Для того, чтобы достичь дворца, нам потребовалось около полутора часовой прогулки под палящим полуденным солнцем. Но мои сопровождающие не выказывали никакого нетерпения или же неуважения в те особенные моменты, когда непокорный осел вновь начинал позорить меня с удвоенным рвением. Самым неприятным было даже не его упрямство, к этому я привыкла, но вот нагадить посреди центральной улицы, ведущей к дворцу Императора Солнца, было уже перебором! Благо мои провожатые не растерялись, и один из них тут же метнулся в ближайшую лавку, давая распоряжения ее хозяину об уборке испражнений, оставленных собственностью Императорской Собственности... По-моему, хозяин лавки даже обрадовался оказанной ему чести.

Тем не менее нам все же удалось достичь ворот, огораживающих Дворец Солнца от окружающего его со всех сторон Каишим.

Территорию дворца окружала огромная каменная стена, по периметру которой на небольших выступах дежурили часовые. Кроме этого, стража находилась и у самих врат, и, в отличие от городских стражников, эти были самыми настоящими выпускниками Ю Хэ. Стало быть, поблажек из-за моего статуса ждать не приходилось, а вот тщательнейшей проверки было не миновать. Стражники Императорской Семьи были облачены в одежду традиционных цветов Дома Солнца. Поверх темно-синего кимоно был надет кожаный доспех из черной кожи, отделанный золотой инкрустацией. Тонкой вязью сливались символы, выведенные на нем: «Отвага», «Верность», «Честь», «Забвение». Последний символ имел не совсем такое значение, он больше подразумевал отказ от всего мирского во благо Императора, во имя служения ему. У воинов Ю Хэ не было семьи, не имели они права и на то, чтобы иметь свой собственный дом. Их жизнь – это вечное служение Семье Господина, когда же воин Ю Хэ состарится до такой степени, что не сможет удержать меч, у него будет два пути: вернуться к истокам и обучать подрастающее поколение, либо же погибнуть в ритуальном поединке, исход которого заранее известен каждому.

На головах воины Ю Хэ носили не совсем обычные шлемы, они так же были конической формы, как и у городских стражников, вот только у их основания крепились длинные хвосты из темно-синего и золотого ворса. Зрелище показалось мне столь необычным, сколь и смешным. Надеюсь, мне не придется облачаться в их форму. Мало мне того, что их необычную косу приходится часами выплетать, так еще и эту штуку на голову водружать. Как говорил Сэ'Паи, что обучал нас воинскому искусству: «Если тебе попали по голове, значит, не так уж она была тебе нужна». Его эта шутка всегда веселила, чего нельзя было сказать о нас.

Ловко соскочив с ослика и достав сопроводительный документ из мешка, я направилась в сторону стражников. Уважительно поклонившись, протянула свиток тому, кто, судя по возрасту и выправке, был старшим из тех, кто стоял у входа во дворец.

– Послушник Ю Хэ, Дэй Ли, – просипела я, борясь с болью в горле, – прибыл во Дворец Императора Солнца по его на то изволению.

Воин смерил меня прохладным, ничего не выражающим взглядом. Я выпрямилась и склонилась вновь, повторяя заранее приготовленную фразу. И вновь ответа не последовало. Когда же церемониал повторился в третий раз, стражник принял мой свиток, подержал его в руках и отдал обратно.

– Следуй за мной, Паи, – сказал он, давая знак другим стражникам отворить ворота.

Когда я оказалась по другую сторону Врат Востока, на мгновение мне показалось, что я перенеслась в параллельный мир: прекрасный, священный, изысканный. Вокруг раскинулся дивной красоты сад. Никогда прежде не видела я такого разнообразия цветов и растений. И посреди всего этого великолепия возвышался Дворец Солнца. Его многоярусная крыша, казалось, подпирала собою небеса, а в пруду, что серебряным кольцом опоясывал его от окружающего мира, отражалось ясное небо. Ко дворцу Императора вела широкая дорога. Сейчас на ней были лишь стражники, что, невзирая на жару, недвижимо стояли на всем ее протяжении, неся свою службу. Для того чтобы попасть ко входу во дворец, нам было необходимо преодолеть каменный мост, пролегающий через искусственный водоем. Вот тут-то и начались первые неприятности. Естественно, что исходили они от моего верного спутника. Животное, должно быть, сильно ошалело от предстоящей встречи с Императором Аира, да и жара могла пагубно сказаться на его самочувствии, потому я не особенно-то и удивилась, когда осел замер каменным изваянием прямо посреди моста. Все это время я вела его под уздцы.

– В чем дело? – скупно заметил мой провожатый, вполоборота повернувшись ко мне.

«Только не сейчас», – мысленно взмолилась я, упрямо потянув поводья на себя.

– Он боится, – прошептала я.

– У меня нет времени ждать, пока ты сумеешь его уговорить, – буркнул страж. – Либо оставляй его тут, либо сделай что-то, чтобы он двинулся с места.

– Он пойдет, если я сяду на него, – сказала и сама покраснела от собственной наглости.

Верхом на территории дворца могли разъезжать люди свободные и из благородных домов, но никак не «собственность». Во всяком случае, так мне говорили.

– Так садись, – буркнул страж, – сейчас слепой час, тебе, можно сказать, повезло.

Слепым часом именовалось послеобеденное время. Считалось, что именно сейчас Боги берут своеобразный «час на отдых». То есть, если человек согрешит, существует вероятность того, что никто из Них не заметит. Потому, должно быть, один древний Указ Императора гласил, что в слепой час каждый добропорядочный человек должен спать, таким образом не имея возможности грешить. Я слышала об этом еще в Дао Хэ. Закон тогда показался не просто смешным, но и диким! Спать днем, чтобы не грешить?!

– Так ты садишься или как?! – раздраженно окликнул меня стражник.

Растерянно кивнув, я легко вскочила на осла. С недавних пор он стал чувствовать себя гораздо увереннее рядом со мной. Но срабатывало это не всегда. Потому я очень надеялась на то, что это произойдет именно сейчас... Повезло.

Я почувствовала что-то неладное уже на подъезде к внутреннему двору дворца. Воздух вокруг словно сгущался и слегка потрескивал, будто в преддверии грозы. Конечно, мой провожатый не мог этого ощутить, потому как потоки силы, что пронизывают наш мир, были сокрыты от него. Иногда я не могла понять, как можно так жить: не чувствуя всего того, что было доступно мне, как Тени? Но люди как-то жили. Их мир был слеп и бесцветен, но они все равно продолжали в нем существовать.

Сейчас же энергия окружающего мира словно притягивалась к тому, что пока еще было скрыто от взгляда. Невидимые потоки сгущались, стягивались тугими спиралями, со всей преданностью устремляясь к тем существам, что я пока еще не могла увидеть воочию. Но все то, что было доступно мне ощутить сейчас, было само по себе невероятным. Всю свою жизнь я училась тому, чтобы уметь обращаться с потоками силы, а здесь они сами, словно домашние животные, ластились к неведомым хозяевам. Когда до закрытых ворот оставалось

несколько шагов, моего слуха коснулся невероятно громкий, слаженный мужской хохот, что не могли приглушить даже стены дворца. Стражники, стоявшие на входе, раздраженно скривились, когда очередная порция громоподобного смеха заставила воздух вокруг сотрясаться.

– Открыть ворота, – скупно бросил мой сопровождающий. – Дальше ты сам, Паи, – сказал он, обернувшись ко мне. – Я дам распоряжения, чтобы к тебе подошел конюх, так что тебе придется обождать его внутри.

– Спасибо, – поклонилась я в ответ на его слова, хотя больше всего хотелось вцепиться в руку стражника и попросить его проводить меня. Смешно, конечно, но от всего творящегося вокруг мне вдруг стало не по себе.

Гул мужских голосов все нарастал. Казалось, что те люди, что сейчас находятся во внутреннем дворе Императорского дворца, обсуждали что-то настолько смешное, что были не в силах сдерживать эмоции. Смех гулками раскатами отражался от стен, создавая иллюзию, что вот-вот разразится самый настоящий шторм. Мое любопытство все возрастало, и когда я смогла оказаться во внутреннем дворе, то смотрела уже не на окружающую архитектуру, а на тех, кто своим поведением вырывал окружающий мир из воцарившейся в нем дремы.

Их было восемь. Невероятно высоких мужчин, одетых в меха и кожу, с большими, на вид очень тяжелыми мечами и топорами. Они стояли спиной ко мне, громко переговариваясь на гортанном и немного рычащем языке. И, кажется, совершенно не замечали того, что происходит вокруг. Волосы незнакомцев были длинными, свободно ниспадающими по широким спинам. Но не это делало их отличными от жителей Аира – цвет волос северян варьировался от медно-рыжего до снежно-белого. Мне показалось это настолько удивительным и чудным, что, немного отвлекшись, я пропустила тот момент, когда мое присутствие стало заметным для них. Громкий смех и гогот неожиданно стих, и все восемь мужчин обернулись. В то же время я почувствовала, как блуждающая энергия, словно послушный ласковый щенок, начала подтягиваться в их сторону.

Что это было? Рефлекс или они смогли увидеть в моей персоне какую-то опасность?

Додумать эту мысль мне так и не удалось, потому как один из северян, расплывшись в широкой улыбке, притворно тихо заговорил с сильным акцентом.

– Интересно, Бер, как пацану удалось откормить зайца до таких размеров? – пророкотал он.

Широкоплечий блондин с глазами цвета предштормового неба ответил собеседнику столь же нарочито «тихо», словно по секрету, но так, чтобы было слышно не только стоящему рядом с ним мужчине, но и вообще всем.

– Нет, Кельм, это не заяц, а собака! Неужели ты не видишь?! Просто парнишка такой мелкий, что на лошадь и запрыгнуть-то не смог бы, – прохохотал сероглазый блондин. Черты лиц этих «людей» были весьма суровы, мужественны и грубы, но та детская непосредственность, с которой они говорили друг с другом, делала их мягче, добрее.

Я была столь ошарашена тем, что впервые в жизни мне удалось повстречать представителей иного народа, что оказалась совершенно не готова к тому, что первыми словами от столь древней расы, о которой слагают сказки в наших краях, станут шуточки, отпущенные в адрес моего ни в чем не повинного осла.

– А я тебе говорю, что это заяц! Ты только глянь на уши этого уродца!

Вся компания разразилась дружным хохотом.

Мужчины продолжали смеяться, отпуская в адрес моего животного непочтительные реплики, искоса поглядывая на меня. Смотрели они так, будто бы ожидали какой-либо реакции. Ее не было. Да и откуда ей было взяться?! Все свои эмоции я так давно привыкла выражать мысленно либо же взглядом, что даже сейчас, когда скрывать их не было нужды, я испытывала определенные трудности. Казалось невыносимо сложным сложить губы в улыбке. Как и столь же бестолковым. К чему кривить лицо, когда радуется сердце или душа? Конечно, я

видела, как порой задорно смеется Сэ'Паи Тонг или хмурит брови в глубокой задумчивости. Но когда с самого раннего детства ты и тебе подобные с ног до головы укутаны в черное плотное одеяние, когда ни один из вас не вправе издать и звука, то привыкаешь выражать эмоции совершенно отличным способом.

Вот и сейчас с невозмутимым видом я подъехала чуть ближе к собравшимся северянам и быстро соскочила с уже ставшего таким родным осла. Необходимо было дождаться конюха, который позаботится о моем животном, а учитывая время моего прибытия, ждать придется долго. Решив не обращать внимания на подколки в адрес моего скакуна, я повернулась спиной к присутствующим и начала пристально разглядывать некое подобие сада, что удивительно гармонично был вписан во внутренний двор.

В Каишим сейчас царил месяц, когда цветет Э'кура. Весь город был усыпан нежно-розовыми лепестками этого растения. Казалось, что это такой причудливый снег ложится на улицах столицы империи. Помимо этого цвели и многие другие растения, превращая город в необыкновенное, сказочно красивое место. В Аире особая роль отводилась садоводству и оформлению парков и скверов. Каждый цветок говорил, рассказывая свою удивительную, ни на что не похожую историю. Задача садовника заключалась не просто в том, чтобы посадить и вырастить определенные виды растений. Эта должность налагала определенные обязательства. Например, сад, разбитый перед домом, должен был рассказывать о семье, живущей непосредственно в доме. Цветы во внутренних двориках говорили о характере хозяев, а сад, что находился за домом, высаживался в память об уже умерших представителях той или иной династии. Считалось, без дозволения войти в который знаком глубочайшего оскорбления. А получить дозволение побывать в нем приравнивалось к признанию в вечной дружбе и благоволению хозяев. Во внутреннем дворе дворца раскинулся не просто сад, а Сад с большой буквы. Казалось, садовник, рассказывая о характере Императора, недолго думая, решил приписать ему все существующие в мире положительные качества. Была там и «доблесть», воплощенная в синих полевых альках, и «величие», что отразил на своих золотых лепестках гордый н'оли, и «глубокий ум», что нашел свой приют на высоких и толстых стеблях нежно голубой ю'ли. И даже Э'кура, что означала «девственность и непорочность» и сажалась в основном перед домом, каким-то чудом должна была передать одну из черт Императора Солнца. Наравне с ней должна была справиться со своей нелегкой задачей и фу'си, более известная как «озорной ноготок».

Конечно, я немного привередничала, разглядывая творение императорского садовника. Но для людей, не слишком задумывающихся «о смысле сказанного», сад был прекрасен. А посреди всего этого благоухающего великолепия раскинулся маленький пруд, обитателями которого были самые настоящие императорские солнечные карпы. Цена которых была столь баснословна, что позволить себе содержать подобную рыбу мог действительно лишь Император. Говорили, что такой карп может прожить при должном уходе около ста лет. И рыба эта олицетворяла собой всю ту мудрость, коей должен был обладать истинный Император Солнца. Убить или, что еще хуже, съесть ее приравнивалось к величайшему из возможных прегрешений.

– Господин, позвольте вашу лошадь? – немного скрипучий голос раздался позади меня.

– Лошадь?! – тут же воскликнуло несколько грубых мужских голосов, и новые раскаты смеха заполнили едва погрузившееся в тишину пространство.

Я тут же повернулась лицом к подоспевшему конюху, что уже резво тащил за поводья моего «скакуна».

– Постойте, – прохрипела я, невольно давая «петуха».

За этой репликой последовал новый приступ дружного хохота.

– Да, господин, – совершенно не обращая внимания на пришельцев, что вели себя столь непочтительным образом, сказал слуга.

– Мне необходимо, – кое-как откашлявшись, заговорила я, – забрать вещи.

– Конечно, господин.

Я не успела перехватить конюха в тот самый момент, когда он потянулся отвязать мою поклажу, и вполне ожидаемо дернул не за ту веревку, которая отвечала за то, как крепко будет держаться сумка на спине у осла. Содержимое сумки с лязгом и грохотом начало вываливаться на пол. На землю ворохом высыпалось мое белье, состоящее из нескольких простых холщовых рубах и сменных штанов, поверх нехитрого гардероба уютно пристроились парные клинки даосской работы в простых ножнах и нож, что был подарен мне Сэ'Паи Ву перед самым отъездом. Пшено, что было завернуто в простой тряпичный мешочек, рассыпалось по широкой дуге вокруг испуганно заоравшего осла. На какое-то мгновение все присутствующие растерянно замерли, исключение составлял лишь мой ослик, который, не прочувствовав момент, продолжал истощно орать. Старый конюх беспокойно переводил испуганный взгляд то на рассыпавшуюся поклажу, то на меня, пытаюсь сообразить, что в таких случаях ему должно делать согласно этикету.

Видя, что вот-вот бедолага начнет ползать передо мной на коленях, собирая рассыпанное пшено полой своего кимоно, я решительно вскинула руку.

– Сам, – коротко сказала я, стараясь одним словом дать понять этому человеку, что в его помощи не нуждаюсь.

Подхватив наполовину опустошенный мешок, опустилась на колени и быстро начала закидывать свои рубахи и штаны обратно. Конюх, по всей видимости, решил поскорее увести доверенное ему животное, пока господин не передумал и не решил наказать его за неаккуратность.

Наскоро закидав вещи и нож, я легко подхватила свои клинки, решив не убирать их в мешок, потому как после того, как порядок сложенных там вещей был нарушен, я бы просто не смогла их туда уместить. Поднялась с колен и уже была готова направиться напрямик во дворец, как очередная реплика, отпущенная чужестранцами в мой адрес, коснулась моего слуха.

– Ну вот, Кельм, а ты все думал, что дочке в подарок привезти? Смотри, какие у пацана ножики! Как раз твоей малышке в самый раз, ведь ей уже пять лет скоро исполнится, – засмеялся рыжеволосый мужчина с густой, почти красного цвета бородой.

Мне было не слишком понятно, чего добиваются эти люди своими насмешками. Хотели ли они вывести меня из себя или просто привыкли издеваться над окружающими? И как следовало реагировать мне как выпускнику Ю Хэ, а не послушнику Дао Хэ, разум которого словно вода, что подвластна лишь своей воле?

– Я помогу вам достать похожие, – хрипло отозвалась я и, более не задерживаясь ни минуты, направилась ко входу во дворец.

Скоро мне предстоит отправиться в долгое путешествие рядом с ними, но пока я не знала, как следует себя вести, чтобы быть верно понятой и не попасть впросак. Я решила, что молчаливое наблюдение – это самая верная тактика в сложившейся ситуации. Потому, подойдя ко входу во дворец, провожаемая любопытными взглядами пришельцев, молча поклонилась стражнику на входе и отдала ему свои документы и письмо Императору.

– Я доложу о тебе, Паи, – не слишком уважительно отозвался стражник, приняв меня за ученика Ю Хэ не слишком высокой степени. Я была не против.

Стражник исчез с моими документами и появился через долгих полчаса, которые мне пришлось провести в полусогнутом положении, изъясняя тем самым уважение к Императору и его дворцу. Сэ'Паи Тонг как-то обмолвился, что иногда желающим попасть во Дворец Солнца приходится ожидать такой возможности по несколько часов именно в таком положении, так что мне еще повезло, что стражник вернулся так скоро.

– Следуй за мной, Паи. Император примет тебя. – На этой фразе остальные стражники позволили себе отпустить заинтересованный взгляд в мою сторону, но более никаких эмоций на их лицах не отразилось.

Внутри Императорский дворец оказался ничуть не хуже, чем снаружи. Изысканная роскошь интерьеров и их убранства не могла оставить равнодушным никого из смертных, чья нога ступала внутрь колыбели власти Аира. Широкие коридоры, по которым мне приходилось идти вслед за провожающим меня в покои Императора стражником, были украшены росписью лучших художников Империи. Огромных размеров фарфоровые вазы, скульптуры, мебель, все это дополняло и не перегружало пространство. Изредка на нашем пути встречались вельможи, вальяжно прогуливающиеся по дворцу и облаченные в откровенно роскошные кимоно, расписанные в традициях Аира. Одно такое кимоно могло стоить целое состояние. За группами мужчин обычно шли несколько женщин, своим видом напоминающих экзотических птичек. Они семенили за своими хозяевами маленькими шажками на почтительном расстоянии. Их волосы были убраны в сложнейшие прически, на возведение которых у нормального человека ушло бы полжизни. Яркое кимоно туго облегалo стройные ноги красавиц, обувь на которых была на невероятно высокой платформе. Лица женщин украшал яркий макияж, за которым было сложно понять, как его обладательница выглядит на самом деле. Но женщины держались очень скромно. Их головы были низко опущены, а взгляд терялся где-то в складках роскошных кимоно. Стоило мужчинам остановиться для беседы с равным им по положению, как женщины, следующие за ними, почтительно замирали на достаточном удалении и даже не пытались выпрямиться, чтобы осмотреться вокруг.

Все это неожиданно вызвало бурю негодования у меня в душе. Ведь я для Аира такая же бесправная «птичка», лицо которой следует вымазать толстым слоем белил, а волосы уложить в настоящий дом на голове. После чего втиснуть в облегающее блестящее кимоно, надеть на ноги эти невероятные туфли и выгуливать, словно дорогую, но бесправную собачонку. Кстати, о собачках. Буквально у каждой девушки на коротком поводке находилась маленькая собачка, которая с трудом поспевала за неспешной походкой красавицы. В чем был смысл этих зверьков, я, честно говоря, не знала. Но то, с какой гордостью мужчины поглядывали то на своих женщин, то на маленьких мохнатых псин, тайной для меня не осталось.

– Пришли, Паи, – голос стражника вывел меня из собственных размышлений. – Император ждет тебя, как и его совет.

– Совет? – хрипло отозвалась я.

Мне думалось, что встреча с Императором должна была бы произойти при более закрытой обстановке. Но, возможно, так положено?

– Да, – кивнул стражник и, коротко постучав в дверь передо мной, отступил в сторону, позволяя войти внутрь.

Двери тут же распахнулись, и я, решительно сделав три шага внутрь, безошибочно определив нахождение Императора, упала на колени, сложив руки перед собой, и опустила на них лоб. Это был поклон к Императору от воспитанника Ю Хэ. Поклон признания его власти надо мной. Будь мы наедине, я бы еще подумала, кивнуть ли ему. Но, похоже, Император Солнца был тщеславен, раз решил увидеть Тень на коленях перед своими светлыми очами. Глупец.

– Поднимись с колен, Паи, – в голосе говорившего мужчины сквозило удовольствие от увиденного.

Не дожидаясь повторного приказа, я спокойно поднялась одним немного резким движением. Не поднимая глаз, предстала перед собравшимися, сложив руки на груди в знак почтения. Загадкой оставалась для меня причина, по которой Император решил принять Тень из Дао Хэ на общем совете. Неужели это по банальной причине честолюбия? Или здесь скрыто еще что-то?

– Паи Ю Хэ прибыл во Дворец Солнца по моему личному распоряжению, – тем временем продолжил свою речь Император. Голос его был излишне высок для мужчины, но в нем чувствовались властные нотки и уверенный тон, что присуще людям, привыкшим давать распоряжения. – Паи войдет в свиту младшей принцессы Иолы, что сосватана в жены одному из

властителей вашего государства, – сказал Император, отчего-то умолчав о том, кому именно сосватана принцесса. Но не это заставило меня настороженно скосить взгляд, пытаясь разглядеть тех, к кому именно обращался Император. В Зале Совета были гости, спутники которых повстречались сегодня мне во дворе.

Император восседал на широкой скамье, поверх которой была положена подушка, расшитая золотыми и красными нитями. Сама скамья располагалась на своеобразном подиуме из черного дерева так, что казалось, что Император возвышается над всеми собравшимися. Мужчина был субтильного телосложения с узкими плечами и длинной шеей. Его лицо выглядело еще менее выразительным. Глаза были слишком узкими даже для аирца, тонкие полоски губ и широкий нос на идеально круглом лице смотрелись не слишком-то привлекательно. Но стоило отдать должное этому человеку, потому как осанка у Императора была действительно величественной. Несмотря на внешнюю непривлекательность, в нем чувствовался внутренний стержень, сила характера и твердость. Император был одет в кимоно из темно-синего шелка, расшитого золотыми нитями. Его темные, едва тронутые серебристой сединой волосы были убраны в высокую косу. А на голове было надето что-то поистине невообразимое. Конструкция представляла собой невзрачного вида черную шапочку, со специальными шелковыми ушками, чьей функцией было заслонить тонкий слух Императора от всего дурного, что может быть им невольно услышано. Поверх шапочки находилась четырехугольная пластина спереди и сзади, к которой крепилось по двенадцать шелковых нитей, увешанных яшмовыми бусинами разных цветов. Все это безобразие также было призвано оградить Императора от дурного. Жидкая борода и усы не делали облик правителя хоть сколько-нибудь лучше.

По правую сторону от Императора находились члены его Совета: военачальники, политики, финансовые советники. Вся эта разномастная знать выстроилась в идеально ровную линию рядом со своим Императором и с воодушевлением внимала каждому слову, интонации, что могла быть намеренно обронена в речи. И, стоило Императору каким-либо образом показать свою неблагосклонность к кому-нибудь, тогда каждый из них посчитал бы своим долгом лично подпортить жизнь неугодному. Но сейчас их лица были непроницаемо спокойны. Каждый из собравшихся был облачен в кимоно, что рассказывало историю своего обладателя. Например, финансовый советник был одет в желтый шелк, расшитый синими нитями, что говорило о том, что он работает с большими деньгами, которые всецело принадлежат Императору. Мужчина носил темно-коричневый пояс, расшитый бусинами из амазонита, чей глубокий зеленый цвет был призван избавить своего хозяина от нервного напряжения. Каждый стежок на вышивке кимоно должен был рассказать как можно больше о своем хозяине. Конечно, недостатки или сугубо личные моменты на таких вещах не освещались.

А вот слева от Императора Солнца расположились те, кого я так жаждала увидеть. Стоило бросить скользкий взгляд на эти три словно высеченные из камня мужские фигуры, как те, что я встретила у входа во дворец, показались сущими детьми. Трое мужчин, закаленных сталью и магией, величественно возвышались рядом с Императором. И к каким бы ухищрениям ни прибегал владыка Аира, чтобы казаться более важным, рядом с этими тремя он выглядел ничтожным и смешным. Их аура пронизывала окружающее пространство. Теперь мне стало ясно, куда стремятся окружающие дворец энергопоток. Почему на энергетическом плане сейчас творилось настоящее безумие, более всего напоминающее гигантский смерч, тянущийся к трем человеческим фигурам.

Они были похожи и совершенно не похожи друг на друга. Все трое высокие, широкоплечие, идеально сложенные. Первым стоял мужчина, достаточно было посмотреть на которого, как твоя кожа начинала сковываться неизвестно откуда возникающим холодом. Слово души внутри вымораживало от одного взгляда его серебристо-серых глаз. По широким плечам рассыпались белоснежные волосы, что были собраны лишь по бокам и заколоты сзади, открывая взору безупречный мужественный профиль. Кожа на лице северянина была чуть покраснев-

шей, от непривычно яркого солнца Аира, но в то же время это ничуть не портило его. Скорее наоборот, давало понять, что это не статуя из белоснежного мрамора, а живой... человек ли? Я не могла сказать, красив ли он, слишком чужда нашим краям была эта странная, холодная и идеальная внешность. Но та невообразимая мощь энергии, что пронизывала тело незнакомца, заставляла меня восхищенно задерживать дыхание.

Следующим был мужчина с волосами воронова крыла и кошачьими зелеными глазами. Он смотрел на Императора Солнца с толикой снисхождения и непонятными мне искорками в глазах, которые из всех известных мне выражений эмоций я смогла бы определить как насмешливые. Мужчина был чуть выше первого, чуть шире в плечах, а то, что происходило вокруг него на энергетическом плане, было если не столь же впечатляющим, то куда гораздо более превосходящим по мощи и силе.

Последним в тройке незнакомцев был мужчина чуть ниже ростом, чем его компаньоны. С огненно-рыжей копной волнистых волос, собранных в не слишком аккуратный хвост. Он был старше двух предыдущих, взгляд его был жестче и расчетливей, казалось, он видит каждого из присутствующих насквозь. Правда, по силе, я бы сказала, что он самый слабый из этой группы. Но стоило взглянуть ему в глаза, как сомнений не оставалось даже у меня: часто не от силы противника зависит исход битвы. А тот ум, что читался в его водянисто-голубых глазах, заставлял опасаться и уважать его.

Сейчас эти трое мужчин обратили свои взгляды на меня. Они изучали не только мою внешность: было такое ощущение, что слой за слоем меня раздевают, осматривают снятое и отбрасывают в сторону, как ненужное. Имей моя сила такое же происхождение, как и у них, конечно, конспирация потеряла бы всякий смысл. Но что такое Тень? Я не человек, но рождена человеком. Иногда бывает так, что люди в наших краях рождаются такими, как я. Существо, принадлежащее двум мирам. Мы рождаемся, как обычные дети, с нормальной физической оболочкой, но идут годы, и где-то к трем годам она начинает истощаться, выпуская на поверхность энергетическую суть. Такие дети не выносят общества других людей, им больно находиться на солнце, они не могут питаться так, как делают это люди. Иметь такого ребенка – это страшно, не только потому, что его непременно найдут и заберут монахи Дао Хэ, но и потому, что никто о нем более никогда и не вспомнит после этого. Пара, родившая Тень, не сможет более иметь детей, да и проживет, скорее всего, не долго. А ребенок, оказавшись за стенами монастыря, будет вынужден носить специальный сухэйли, которому под силу удержать энергию в физическом теле, не дать раствориться в окружающем мире, оставляя после себя лишь пустую оболочку. Когда Тень формируется полностью, то это уже не человек, а существо иного порядка. Мы можем покидать физическое тело, когда это необходимо, а можем забирать его с собой, уходя в параллельные миры. Мы не бессмертны, но и не смертны, живем столько, сколько считаем нужным, уходим без сожалений, оставляя тело, от которого нет более проку. Разве можно поймать тень? А убить? Нет, тень всегда ускользнет, не оставив и следа. В Аире о нас рассказывают сказки, приписывая... да чего только ни приписывая! Но правда в том, что мы просто другие. Мы не такие, как те, кто сейчас стоит передо мной, маги иной расы. Мне не нужны потоки, чтобы плести из них заклятья, я сама поток и заклятье. Я и есть энергия, волей жизни заключенная в физическое тело и наделенная индивидуальностью. Мы не цепляемся за физическое бессмертие, зная, что наш дух будет жить вечно, если захочет. Если выберет, то сможет переродиться или слиться с окружающей энергией, возвращаясь в родную колыбель. Мы не оплакиваем своих умерших, а радуемся за них. Ведь они выбрали свободу, продолжая уготованный им путь. Я знаю, что Сэ'Паи Тонг тоже готовится к тому, чтобы покинуть этот мир. Он понял, что здесь выполнил свое предназначение, научился всему тому, чему должен был, и теперь он позволил своему телу стареть. Забирать с собой физическую оболочку он не намерен. Когда он уйдет, я буду скучать, но я точно знаю, что разлука наша лишь временное обстоятельство.

– Ступай, Паи, стражник проводит тебя. Я желаю побеседовать с тобой этим вечером, – пока я была занята собственными мыслями, Император закончил мое представление гостям и собственной свите, обозначив мое положение как личного слуги принцессы. Император также упомянул слово «защитник», на что темноволосый северянин выразительно хмыкнул, едва не позволив себе засмеяться над этим, как над хорошей шуткой.

В общем и целом Император уделил мне чуть более пяти минут. Конечно, учитывая то, что я была обычным слугой, это даже много. Но если принимать во внимание тот факт, что я вхожу в состав первого круга принцессы, то есть являюсь человеком, которому Император доверяет безопасность своей дочери, – это было нормальным. Конечно, первый круг оказался неоправданно широк, включая в себя несколько служанок и два десятка таких же выпускников Ю Хэ, которых Император точно так же поочередно представил своим гостям. Мне такое положение было только на руку. Легче затеряться среди остальных.

Стражник проводил меня на другой конец дворца, туда, где селили слуг и прочий обслуживающий персонал. Мне выделили отдельную комнатку, по размерам не сильно превосходящую ту, в которой я жила в Дао Хэ. Обстановка была аскетичной, но для меня все же шикарной. В комнате была кровать с мягким матрасом, который я тут же свернула и убрала в небольшой шкаф в углу. Слишком трудно мне было спать на подобном, непривычно и неудобно. Мой тюк с вещами легко уместился бы в небольшую тумбочку, что сиротливо стояла рядом с кроватью. Также в комнате был небольшой столик, за которым можно было бы кушать, зеркало (!) и шкаф. Стены были выкрашены в нежно-голубой цвет. А еще в этой небольшой комнате было довольно широкое окно, сквозь которое беспрепятственно проникало полуденное солнце, отчего воздух в помещении был спертый и сильно нагретым.

Первым делом я распахнула окно и сделала глубокий вдох. Прямо за окном раскинулся дивной красоты сад. Тот сад, который было принято прятать от посторонних глаз. Но сейчас мне было абсолютно все равно, какие тайны скрывает императорская семья. Я сильно устала, не столько от дороги, сколько от избытка впечатлений, смены мест. Все, к чему я так привыкла, сейчас было недостижимо далеко.

За окном умиротворяюще пели птицы, а легкий ветерок то и дело шелестел листвою деревьев. Солнце приятно ласкало кожу, а мне вдруг отчаянно захотелось просто прилечь и закрыть глаза, растворяясь в царившем вокруг покое и умиротворении.

Проснулась я от негромкого стука в дверь. Испуганно подскочила и уже через несколько секунд открыла ее.

– Паи, – в дверь стучал совсем молодой стражник, тот же самый, что провожал меня сюда. – Император желает говорить с тобой. Следуй за мной, – все это было сказано с такой бесцветной, неживой интонацией, которая не ждала от меня никакой иной реакции, кроме как немедленного подчинения.

И вновь мы шли по извилистым коридорам дворца Императора Солнца, и вновь на нашем пути встречались разряженные в разноцветные кимоно вельможи, их спутницы и собачки. И было это так невообразимо уныло и однообразно, что мне невольно стало жаль этих людей, вынужденных изо дня в день следовать своим замысловатым ритуалам, теша себя мыслями о том, насколько все это важно. Кто бы знал, какими смешными и глупыми были они в моих глазах! Так короток их век, столь мимолетна жизнь – все равно что бабочка крыльями взмахнет и улетит. А они из года в год вот так вот ходят по коридорам мнимой власти, тренируясь в злословии и нечестивых помыслах.

Занятая собственными мыслями, я и не заметила, как мы дошли до нужной двери. Стражник остановился и коротко постучал.

– Войдите, – раздалось изнутри, после чего страж отворил дверь, пропуская меня внутрь, а сам оставаясь снаружи.

Император сидел за широким столом, рядом с ним лежало множество свитков из темной бумаги. Он не пытался изобразить занятость или выглядеть высокомерным, как и я в свою очередь не собиралась вести себя как воспитанник Ю Хэ.

– Здравствуй, – поздоровалась я, подходя ближе к Императору.

Сам мужчина лишь остро посмотрел на меня, после чего встал и коротко кивнул.

– Я должен объясниться, почему был вынужден принять вас подобным образом, – удивительно, как изменился этот человек с нашей последней встречи. Император словно бы понимал, что своими масками ему не обмануть такую, как я. Ни к чему играть, стараться, притворяться – если хочешь помощи, то будь вежлив и учтив, а самое главное, не пытайся лгать.

– Ни к чему, это было здравое решение, – говорить было все еще трудно, но с этим человеком – нужно. – Но ты должен понимать, что просто так Дао Хэ не окажет тебе поддержки. Расскажи, что заставило тебя искать ее у нас?

Император тягостно вздохнул, плечи его поникли, словно на них разом водрузили непосильную ношу, он вновь опустил на свой стул. Сейчас его голова была не покрыта, и я могла видеть, сколько седых волос просвечивает сквозь некогда черные волосы. Он был стар, хоть и умело прятал свой возраст за властной осанкой и манерой вести себя. Но сейчас он был просто уставшим пожилым человеком, которому приходится искать помощь там, где он может ее и не получить.

– Присядь, прошу, так мне легче будет говорить, – сказал он, указывая на небольшой табурет напротив своего стола.

Я не стала спорить и послушно села.

– Когда я взошел на престол Империи Солнца, – начал свой рассказ Император, вперив пустой взгляд в стену напротив, – я был совсем еще мальчишкой. Мой отец умер рано, других наследников по прямой линии не было, а я был молод, амбициозен, честолюбив и испытывал лишь одно желание, которое кружило мне голову и заставляло сердце стучать чаще, – я хотел власти, – усмехнулся он, рукой оглаживая жидкие усы. – Казалось, я именно тот человек, которому суждено вернуть былое могущество Империи, – хмыкнул он. – Порой прошлое должно оставаться в прошлом, жаль, что понимаешь это не сразу... Еще будучи ребенком, я читал древние хроники, где говорилось о землях, что покрывает лед. О несметных богатствах, что они хранят, и о том, как возвысится тот, кто сумеет подчинить себе их. Конечно, в детстве это было всего лишь мечтой, покорить север, обогатить собственные земли, но с годами моя мечта превращалась в навязчивую идею. Самое смешное, у меня было множество единомышленников, которым идея о том, чтобы вернуть былое могущество показалась весьма заманчивой. Я собрал хорошую армию, вложил в нее все, что у меня было и чего не было, но мне казалось, оно того стоит. Поход обещал быть долгим и трудным, но и награда вырисовывалась весьма заманчивая. В те времена о Властителях льдов ничего не знали, не знал и я... мы все считали Север необитаемым. Добравшись до Золотого моря, мы пересели на корабли. Целый флот был построен мной для этого похода. Новые быстроходные суда должны были доставить нас в северные земли в кратчайшие сроки, и ничто не предвещало беды, – тяжело вздохнул Император, погружаясь в омут давно минувших дней. – Но за ошибки надо платить, не так ли? – вопросительно посмотрел он на меня. А в глазах этого человека плескалась безбрежная тоска и печаль, которая, должно быть, давно осела тяжким грузом на сердце и сейчас, взбаламученная тяжелым разговором, поднималась со дна души.

– Любое решение это выбор, у которого непременно будут последствия, – тихо сказала я, неотрывно смотря на него.

– Да, Дэй, это так, – впервые Император обратился ко мне по имени. Сейчас мы разговаривали как равные или же, что вернее, как разные существа, наделенные определенной степенью могущества, позволяющей им вести беседу наравне. – Но моя ошибка стоила жизни доброй половины моего войска, друзей, тех, кто не побоялся идти за мной.

– Мы не слышали об этом, – говорю, отвечая за весь Дао Хэ. Чувствую, как Сэ'Паи Тонг следит за беседой моими глазами, подтверждая мою правоту. То, что учитель делит свой разум с моим, не вызывает отторжения. Многие люди считают мысли сокровенной собственностью, принадлежащей только им. У нас все немного не так. Я и Сэ'Паи близки по духу. Когда он взращивал мою Тень, то долгое время ему приходилось соединять свой разум с моим, обучение так проходило быстрее и проще. И отношение даосцев к подобному не такое, как у других. Когда сливаются два чистых разума, которые не стараются взрастить в душе темные начала, то это подобно слиянию двух миров. Ощущения такие, что ты един – и в то же время тебя столько, что и Вселенной мало. Люди любят дарить друг другу физическую ласку, даосцы не отвергают подобного тоже, но когда сливаются сознания – это подобно дружеским объятиям. В этом нет ничего пошлого или оскорбительного, если все происходит по согласию. Но, конечно, не со всеми Тенями мы делаем подобное, только с теми, к кому чувствуем определенную степень родства. Да и по большому счету в этом нет особенной необходимости. Мыслеречь всегда правдива, а если кто-то из нас обманул другого вслух, то это не страшно, значит, ему так было легче и нужнее. Иногда и мы обманываем друг друга, но делается это немного из других побуждений, чем это происходит у людей. Даосцы лгут тогда, когда хотят, чтобы ты сам понял истину, научился искать и думать самостоятельно. Потому, когда занимаешься с Сэ'Паи, лгут тебе практически ежедневно с убеждением и талантом.

В мире людей ко лжи мы относимся еще проще, тут главное не навредить, не делать это ради корысти и всегда думать о последствиях. Но по большому счету врем много, одухотворенно и талантливо. Потому как, если узнают, кто ты такой, то уже на следующий день выстроится очередь за благословением, лечением, просто посмотреть и прочее. Не то чтобы мы не помогали окружающим – просто предпочитали это делать так, чтобы человек сам пришел к правильному пути. Нет ничего хорошего, когда нищему кладут в руку деньги и говорят: «Купи все, что нужно!» Возможно, он и купит, но уже на следующий день пойдет просить милостыню вновь. Разве это помощь? Редко когда бывает, что так. Человек сам должен захотеть что-то изменить, и никто, никакие деньги, не сделают это за него.

Но что-то я отвлеклась.

– А никто не знает потому, что ни для кого ничего и не было, – говорит Император, я непонимающе смотрю на него. – Стоило нам ступить на Северные берега, разбить лагерь, как пришли Они. Если бы я знал, чем это обернется, то ни за что не отдал приказ атаковать. Но я был молод, излишне горяч и чужаков воспринял как тех, кто решил встать на пути у Императора Солнца, – и вот еще один тяжелый вздох вырывается из груди Императора. – Боя не было, – коротко говорит он. – Половина моих воинов упали замертво, стоило чужакам взмахнуть рукой. Вторая половина, испуганно замерев, были готовы бежать хоть вплавь. Я почувствовал, как у меня на шее смыкается стальное кольцо, не дающее сделать и вдоха!

Император ненадолго замолчал, смотря куда-то вдаль. Я тоже молчала, стараясь не мешать его сосредоточению.

– Я умирал, – в полнейшей тишине сказал он. – Когда я был молодым, мне казалось, что умирать не страшно. А умереть в бою – это честь, но смерть есть смерть, будь ты молод или стар – это всегда страшно, грязно и уродливо. Звериный страх наполнил меня, и вот, когда я уже с трудом мог понимать, что происходит, кольцо на моей шее исчезло. С трудом откашлявшись, я смог разлепить опухшие веки и увидеть, как надо мной возвышается Он – северянин. Гордый и непреклонный, пронизанный неведомой мне мощью, его белоснежные волосы развевались на стыллом ветру, а глаза смотрели так, словно в них давно застыла вечная вьюга.

– Что ты сделал, скажи мне? – спросила я, заметив, как вновь мысли Императора уносятся куда-то в далекое прошлое.

– Я, – тяжело слотнул он, – отдал им свое не рожденное дитя, – сказал, закрывая глаза широкими ладонями. – Тогда это казалось правильным! Они вернули к жизни моих людей и

позволили уйти в обмен на то, что, когда у меня будет дочь и она достигнет зрелости, я отдам одному из них ее в жены! Так было правильно, тогда мысль о мифическом ребенке совершенно не трогала меня и...

– И они не дали тебе умереть, – без толики осуждения сказала я.

– Я, я...

– Не оправдывайся и не грызи себе душу прошлым, что было, того уже не будет, и изменить ничего нельзя.

Император как-то странно посмотрел на меня и кивнул головой.

– Ты так молод, а говоришь, как мудрец... – себе под нос пробормотал мужчина.

– Возраст для даосцев понятие несуществующее, – сказала так, чтобы Император сам подумал то, что имела в виду. Ни к чему ему знать мой настоящий возраст, пусть думает, что я стара, так ему будет проще. Люди отчего-то наивно полагают, что старик, проживший как беспутный пьянчужка или гуляка, на порядок умнее молодого человека, старающегося развивать себя. Глупость какая, много ли надо ума, чтобы ежедневно хорошо питаться и более-менее следить за здоровьем, чтобы дожить до благородных седин?

Император кивнул в знак согласия и продолжил.

– Моя первая жена умерла в родах, подарив мне сына, – сказал он. – Не скажу, что горевал по ней, мы не любили друг друга. Но то, что родился сын, очень обрадовало меня. Потом был еще один брак – и снова сын, затем еще один, и, когда я уже и думать забыл о данном слове, у меня родилась дочь... Я долго уговаривал себя не привязываться к ней, а в результате люблю больше, чем любого из моих детей, и... я не могу ни нарушить слова, ни отпустить ее одну. И в то же время брак будет династическим, а, стало быть, дети Иолы и северянина будут наследными принцами Империи Солнца. Не первой очереди, конечно, но что им стоит подвинуть эту очередь, если они умеют убивать и воскрешать армии взмахом руки?

«Ах вот оно что, – мысленно хмыкнула я. – Лживый поганец, на дочь-то тебе плевать, уж я-то вижу, как молчит твоя аура, когда говоришь о ней, но вот стоило тебе начать думать о судьбе своей страны, и аж засветился весь!»

«Не суди его, Дайли, – возникает в мыслях голос Сэ'Паи Тонга. – Помни, у каждого свой путь. Пусть он плохой отец, но от него зависят жизни людей, что живут в Аире, и пока он неплохо справляется».

Не могу не признать правоту учителя и киваю нашим общим мыслям.

– Чего ты хочешь? – чуть жестче спрашиваю я, и от Императора не скрывается перемена в моем голосе. Он испуганно смотрит на меня, не решаясь продолжать разговор какое-то время. – Хочешь, чтобы Дао Хэ следил за тобой за северянами? Хочешь, чтобы Я, Тень, убила тех, кто решится стать тебе врагом? Этого хочешь? Так знай, Император Солнца, все, на что можешь ты рассчитывать, – это помощь твоей дочери и ее свите. Если я почувствую реальную опасность для Аира, которая будет несопоставима с убеждениями Дао Хэ, – я вмешаюсь. Но запомни, Император, – выплевываю это слово ему в лицо, – ты сам обратился к нам и должен был знать, что теперь от тебя ничего не будет зависеть. Не пытайся меня контролировать, – говорю я и позволяю Тени выглянуть из глубины моих глаз, – никогда не пытайся.

Император резко бледнеет и становится похожим на недавно умершего.

«Какая же ты, – возмущенно ворчит Сэ'Паи Тонг, – прямолинейная! Ничто тебя не исправит».

«Он по-другому не поймет. Да и сейчас-то не понял».

«Вижу. Но ты все равно отправись в это путешествие», – немного грустно говорит он в ответ.

«Зачем? Нет ни единой причины помогать ему».

«Дело не в нем, а в тебе».

Вот и поговорили. Больше учитель ничего не скажет, и в подтверждение этого Сэ'Паи покидает мой разум.

– Мы приняли решение, – после несколько затянувшейся паузы говорю я. Император беспокойно всматривается в мое бесстрастное лицо, пытаясь угадать ответ. – Я отправлюсь с твоей дочерью. – Он облегченно выдыхает. – Но постарайся не забыть о том, что я сказал тебе.

Император, о чем-то задумавшись, кивает, но я вижу, мои слова не достигают цели. Он все еще считает, что найдет способ манипулировать мной.

– Позови принцессу и представь меня ей, – коротко бросаю я, борясь с желанием схватиться за горло, которое от такой продолжительной нагрузки начинает ощутимо побаливать.

– Как ты хочешь, чтобы я представил тебя своей дочери? – неожиданно спрашивает Император, поднимая правую руку у себя над головой и дергая один из многих шелковых шнурков, висящих там, опутывая дворец точно змеи. Это сигнальные нити, император выбирает нужный, дергает, и необходимая персона несется со всех ног под его ясные очи.

– Как и всем, но постарайся, чтобы она считала меня кем-то, кому можно доверять. Кем-то, кому ты доверишь чуть больше, чем остальным.

Император лишь коротко кивает, и мы остаемся ждать, когда же придет та, из-за которой, собственно, весь переполох.

Через несколько долгих минут, которые проходят в абсолютной тишине, раздается короткий стук в дверь. Я тут же поднимаюсь на ноги и, едва не согнувшись до земли, замираю в раболепном поклоне. Император дает разрешение войти. Тяжелая дверь отворяется, и комнату заполняет густой, слишком тяжелый для маленького помещения запах жасмина. Он обволакивает все вокруг, и мне становится трудно дышать от его чрезмерной насыщенности. Легкий шелест шелкового кимоно принцессы касается слуха, стоит ей сделать первый шаг в кабинете отца. Она ступает неспешно, маленькими шажками. Все, что я могу разглядеть, это ее миниатюрные ступни, обутые в замысловатые туфельки на высокой платформе, которые при каждом шаге выглядывают из-под подола дорогого, расшитого нежно-розового с золотым кимоно.

– Да пребудет с вами Солнце, отец, – говорит так тихо, что приходится прислушиваться.

Император оставляет ее реплику без ответа и тут же переходит к сути вопроса.

– Дочь моя, завтра ты отправляешься в долгий путь, – пафосно начинает изрекать он, – и я хотел бы, чтобы твое путешествие обернулось счастьем для тебя.

Принцесса никак не реагирует на слова отца, оставаясь молчаливой.

– Позади тебя лучший ученик Ю Хэ. Его имя Дэй Ли, и я желаю, чтобы он стал для тебя опорой в странствии.

Как-то не так я вообразала себе это представление принцессе. Уж слишком официальные речи Императора.

– Да будет воля ваша, отец, – отвечает она.

– Я считаю, ты должна поговорить со своим стражем перед поездкой, потому ступай и возьми его с собой.

Принцесса молча начинает пятиться к выходу, ни слова не говоря, она открывает дверь и исчезает за ней. Недолго думая, поворачиваюсь к Императору спиной и выхожу за ней.

Она и не думает ждать меня. Шагая невероятно маленькими шажками, ее хрупкая фигурка уже успела дойти до середины длинного коридора. Стараюсь прибавить шаг, чтобы догнать ее. И еще никак не могу понять, почему принцесса ходит по дворцу в одиночестве. Но разумно не пытаюсь ее об этом спрашивать.

Со спины Июла кажется очень хрупкой, ощущение такое, что она не человек, а фарфоровая статуэтка. Ее черные волосы убраны в сложную высокую прическу, в которую вставлены специальные спицы с длинными гирляндами из нежно-розовых цветков, идеально совпадающих по тону с ее кимоно, небольшой шлейф которого изящно ниспадает на пол. Она чуть горбится, как и положено воспитанной женщине, но такой наклон ее головы весьма удачно откры-

вает вид на тонкую шею. Мы молча доходим до покоев, которые, судя по всему, принадлежат именно ей. У тяжелых дверей стоят двое стражников сурового вида, но стоит им заметить приближающуюся фигурку принцессы, как они тут же разводят створки дверей и глубоко кланяются. Мы проходим внутрь, и двери за нашими спинами закрываются, только тут я понимаю, что это не совсем ее личная комната, скорее – это жилая зона. Мы оказываемся в широком коридоре, стены которого украшены изящной росписью, и из него есть еще несколько ответвлений. В углах стоят довольно высокие вазы, расписанные лучшими мастерами Империи и сделанные из невероятно дорогого фарфора. Иола, стоит за нами закрыться дверям, протягивает руку к одной из стоящих ваз, ее тонкая белоснежная кисть появляется из широких рукавов кимоно и аккуратно берет вазу за горлышко. Я честно пытаюсь понять, что она делает, но не берусь начать с ней разговор, как и пристало слуге. Я вижу, как ритмично вспыхивает ее аура огнями холодной ярости. Но по внешнему виду и подумать такого нельзя.

– Аааааааааааааа!!! – неожиданно визжит она, а огромная, в половину моего роста ваза летит в противоположную стену.

Честно сказать, хоть я и понимала, что эта девушка находится в крайней степени озвещения, все равно не ждала от нее ничего подобного. Даже подпрыгнула на месте от неожиданности!

Ваза разлетается вдребезги, стоит ей лишь коснуться стены. Тем временем покои принцессы оглашает еще один вопль, и еще одна ваза отправляется в свободный полет. На возникший шум из глубины ее личных покоев уже несутся около десятка молоденьких девушек. Стоит им оказаться в коридоре, как Иола весьма эффектно падает на колени и начинает не то что плакать – нет, в моем понимании она орет, чередуя эти вопли с похрюкиванием и визгом.

– Ненавижу! – кричит она. – Как же я его ненавижу! Чтоб он сдох, скотина! Чтоб он сдох! – и если раньше голосок у нее был едва слышным, тонким, то сейчас это не голос, а рык.

– Ну что вы, что вы, – заботливо начинает причитать одна из девушек, кидаясь помогать принцессе подняться, – успокойтесь.

На это вполне невинное «успокойтесь» девушка получает звонкую оплеуху, а несколько следов от ногтей Иолы раскрашивают щеку служанки багровыми полосами.

– Не смей ко мне прикасаться, Туи! Пошла вон!

Служанка робко отшатывается, стараясь сохранить лицо и не прикоснуться к пострадавшей щеке. Я же не совсем понимаю, что делать мне? Потому решаю стоять и не вмешиваться. В конце концов, сейчас я всего лишь раб и слуга – пока не спросят, должен молчать. В этот момент Иола замечает меня, застывшую каменным изваянием у стены. Лицо ее, которое я вижу впервые, оказывается весьма красивым по канонам Каишим. Идеальный овал лица, маленькие губки бантиком и очень узкий разрез глаз. В Аире считается, что чем уже глаза женщины, тем меньше вероятность того, что мужчину смогут «захватить демоны, живущие на их глубине». Уж не знаю, что сие значит, но сейчас на меня всю смотрели эти самые «демоны», а маленькие пухлые губки искривила злая усмешка.

– Ты-ыы, – шипит она, опираясь о пол руками и начиная вставать. Я чувствую себя так, словно принцесса нашла виновника всех своих бед в моем лице. – Он ведь не охранять тебя меня назначил, – уже почти встав на ноги, говорит она, продолжая скалиться. – А следить за мной! – как-то сразу переходит с шепота на визг она. – Так следи и передай мои слова! А хотя... – задумчиво бормочет она. – Стража! – в этот же момент двери покоев принцессы распахиваются, и в проеме возникают двое стражников. Принцесса в то же время начинает рыдать и обличительно указывает на меня пальцем. – Смотрите, смотрите, что он сделал с моими вазами! Он убить меня хочет!

Сказать, что я на какой-то момент просто выпала из реальности – это не сказать ничего! Я, Тень Дао Хэ, оказалась совершенно не готова к подобному! Как такое в принципе возможно, и что за зверь живет внутри этой милой головки, готовый отдать человека на растерзание про-

сто так?! Лишь потому, что у нее проблемы, должны страдать все вокруг! А в первую очередь те, кто не может за себя постоять. Я, то есть Дэй Ли, всего лишь Паи Ю Хэ, за такое обвинение собственность не будут судить, ее всего лишь четвертуют, а голову насадят на кол, в назидание остальным поместив на центральной площади, пока вонять не начнет.

Стража срывается с места в тот же миг, как обличительная речь Иолы обрывается. Я наблюдаю за ситуацией как бы со стороны и в то же время понимаю, что могут и не ждать палача, так прирежут. Вот оба стражника обнажили внушительные мечи и стремительно начинают атаку. Ухожу с линии атаки первого, ныряю под руку второму и бью ребром ладони по шее. Стражник падает словно подкошенный. Но удар не страшный, всего лишь сознание потерял. Второй стражник принцессы стремительно оборачивается и начинает делать замах для удара, который, несомненно, рассек бы мне грудную клетку, будь я медлительнее. Потому, чуть подгибая колени, делаю стремительный рывок вверх и бью раскрытой ладонью по горлу. Удар четкий, выверенный, кадык не сломан, но страж тем не менее теряет сознание. Бой закончен, не успев начаться. Все живы, принцесса смотрит на меня с широко, если такое в принципе возможно, распахнутыми глазами.

– Ты... – испуганно шепчет, начиная пятиться назад от меня.

– В вашем возрасте должно вести себя по-взрослому, – холодно говорю ей, не двигаясь с места. – Ваши опрометчивые решения могут обернуться против вас же. Завтра нам предстоит отправиться в долгий и трудный путь, так что лучше займитесь сборами. Доброго вам вечера, госпожа, – поклонившись, как того требует этикет, я ухожу, не дожидаясь ее дозволения. В конце концов, это приемлемо, если она решила, что буду соглядатаем ее отца, стало быть, и подчиняюсь ему. Так даже лучше, не придется, как дура, за ней везде таскаться, кланяться и подчиняться. А значит, впереди дальняя дорога, свобода или почти свобода, и куча времени, которое не придется тратить на подношение тапочек.

Свою комнату я нашла быстро. Затем закрыла дверь на ключ, разделась, освобождая тело от неприятной одежды, слишком тугой в некоторых местах. Затем надела свободную рубашу и штаны и остаток вечера провела в тренировках. Негоже давать поблажку себе. В конце концов я совершенно отстранилась от окружающего мира, когда мой покой нарушил неприятный дробный стук в дверь. Сперва я даже подумала, что это Иола все же решила исполнить свою угрозу и натравить на меня стражу. Но все оказалось куда проще. На пороге стоял невысокого роста мужчина, представивший себя как главного по хозяйственной части, и вручил мне огромных размеров тюк. После чего развернулся и ушел, ничего не объясняя.

Перехватив тюк поудобнее, донесла его до кровати и аккуратно водрузила на нее. Затем развязала тугие узлы ткани и... лучше бы я этого не делала. На кровати образовался настоящий ворох из шкур животных, сшитых в различного вида и размера одежду. Сперва почувствовала, что меня опять начинает мутить. Ощущение усилилось, когда представила, что надеваю что-то из предложенного барахла на тело. Неосторожно коснулась кончиками пальцев кроличьей шкурки, что оказалась на самом верху.

Ощущения нахлынули, закружив в водовороте чужого страха, когда это животное держали подвешенным за ноги, чтобы освежать, и невыносимой боли оттого, как проходит острый железный штырь через нос прямо в мозг. Я знала, что примерно так будет, но не успела закрыться от потока чужих ощущений, что запечатлел на себе мех. Каждый предмет носит в себе информацию, историю своего существования. Даосцы ее очень хорошо чувствуют, потому без нужды к подобным вещам не прикасаются. С трудом оторвав руку от того, что по определению должно было бы стать моей одеждой в северных землях, я тяжело опустилась на пол. Вот и приплыли. Что теперь делать? Конечно, я могу управлять температурой собственного тела так, что холод будет переноситься легче. Но как это проделать на глазах у всех? Невозможно. Все время закрываться от окружающего мира, все равно что ослепнуть. И какой от меня будет тогда прок?

Руки все еще трясло от испытанного напряжения. Но надо было действовать, пока было время и уединенное место. Тяжело поднявшись на ноги, я тут же закрыла все свои ощущения и начала перебирать ворох меховой одежды, что оставил мне местный хозяйственник. Подходящими оказались детские штаны из теплого меха, небольшой лисий полушубок с глубоким капюшоном и также детские сапоги мехом наружу и на плоской подошве. Оставшиеся вещи тут же сгрузила в тюк и выкинула за дверь. Еще не хватало терпеть это рядом с собой! Раскрыла свой нехитрый скарб и выложила оттуда небольшое железное блюдечко на тонкой ножке и три кусочка прессованных трав, которые мы в Дао Хэ обычно поджигаем, когда ведутся молебные службы. Я уже говорила, даосцы не поклоняются каким бы то ни было богам, но тем не менее мы часто молимся, вознося наши просьбы и желания к тому Бессознательному Я, которое считаем естественным продолжением души. Тому, кто может помочь себе самому, если правильно попросить. Иногда мы сливаемся с энергией мира и уже тогда туда возносим свои мольбы всему сущему. Если в двух словах, то это и есть наш Бог.

Вот и сейчас, смотря, как начинают дымиться маленькие кусочки трав, а по комнате распространяется немного терпкий, но приятный запах благовоний, я собиралась молиться. Конечно, не просто просить о чем-то, я хотела очистить предложенную одежду, очистить смерть, которая впиталась в каждую ворсинку, каждый сантиметр этих изделий. А вот теперь представьте, что происходит с Тенями, которым приходится отнять чужую жизнь? Страшнее предназначения нет.

Я уснула с первыми лучами солнца. Да и как уснула, так, задремала ненадолго. Но главного добилась. Теперь, хоть и с трудом, я смогу это надеть. Ранним утром в дверь моей комнаты постучали. К тому времени я была уже полностью одета, собрана и сидела на кровати в ожидании того, когда за мной придут. Не то чтобы я была такой важной особой, что не могла самостоятельно выйти во двор. Но традиции, здесь царили они. Весь отряд должен был собрать глава группы, тем самым показывая, что готов нести ответственность за каждого из нас. Вот и сидела я в ожидании своего покровителя, которым оказался мужчина лет сорока. Его кожа была смугла, а в уголках глаз уже начинали появляться первые морщинки. Меня этот человек сразу к себе расположил, хотя внешне он был несколько страшноват из-за шрама, что глубоким рубцом пересекал лицо, энергетика у него была приятной. Это было главным.

– Паи Дэй Ли? – вопросительно сказал он. Я кивнула.

– Капитан отряда Сэй Лум, – представился он и кивком головы приказал следовать за ним.

Мы вдвоем вышли во внутренний двор, в котором бурлила деятельность, несмотря на ранний час. Повсюду слонялся разномастный люд, кто-то что-то кричал, раздавая указания и не стеснясь в выражениях, некоторые на огромной скорости пробежали мимо нас, при этом таща в руках огромные мешки с провизией или вещами. Как всегда, в самый последний момент выяснялось, что чего-то не упаковали, что-то потеряли или просто забыли. Гомон стоял невыносимый.

Капитан отвел меня к противоположной стене, где уже было человек десять из сопровождающего отряда. Все мужчины походили друг на друга, как братья-близнецы. И дело тут было не только в одинаковой форме, которую полагалось носить всем сопровождающим принцессы, но и во внешности. Казалось, Император лично подбирал одинаково сложенных мужчин с похожими чертами лица. Все высокие, как на подбор... и с ними карлик, то есть я. На нас на всех были надеты плотные черные штаны, свободного покроя, которые заправлялись в простые сандалии из пеньки, утепленные тканью. Такие же простые куртки, поверх которых надевался кожаный доспех. Единственным, кто его не надел, была я. У солдат за спиной была пара клинков, у кого-то большие луки и колчаны со стрелами, а на головах кожаные шлемы. Я же стояла в простой шапочке на голове и с шестом за спиной. Если подумать, смотрелась

жалко, но, с другой стороны, ничто не отягощало мое путешествие. Все вещи были упакованы и сданы в общую повозку.

По сути дела, проходы невесты были постановочным спектаклем для народа, основное действие, красивое и идеально выверенное, должно было начаться за главными воротами. Сейчас же я наблюдала истинную изнанку праздника, когда все вокруг суетятся, ругаются, орут друг на друга. При этом главные действующие лица, а именно принцесса, ее близкая свита, маги в количестве трех умудренных опытом мужей и заморские гости, должны были появиться, лишь когда наш обоз будет полностью укомплектован и готов выступать.

Кстати говоря, маги или, как их еще называли, колдуны были не совсем магами в общепринятом понятии. Колдунов среди людей такой мощи, как, например, северяне, нет и никогда не было. В Аире колдун означает примерно то же самое, что и мудрец. Это были люди, наделенные определенной степенью интуиции и минимальными способностями к творению заклятий или врачеванию. В нашей группе был один врачеватель, один ясновидец, хотя я сильно сомневалась, что он действительно что-то там может предвидеть, учитывая, что для предсказаний этот мужичок швырял на стол горсть какой-то дребедени, состоящей из костей, перьев, разноцветных бусинок и еще чего-то неопределимого. После смотрел на все это безобразие и так и этак, а потом изрекал какое-то весьма расплывчатое предсказание, чтобы понять которое, нужно было иметь весьма развитое воображение и ум. Но это никак не мешало людям выстраиваться в огромные очереди на прием к такому вот специалисту. И последним в тройке колдунов был заклинатель. Да-да, именно заклинатель. Мужчине было глубоко за пятьдесят, смотрелся он со стороны как дедушка-цветочек, но аирцы искренне верили, что этот мужчина способен творить заклятья. Я бы сказала немного иначе. Мужчина обладал действительно мощной энергетикой, что было большой редкостью среди людей. Он был способен «навести порчу», как говорили в народе, силой мысли, призвать ветер или дождь ценой невероятных усилий. Вот, собственно, и все. Ну, может, еще какие-то мелкие фокусы, не более. Но для каждого аирца эти люди были подобны богам. Их почитали, уважали и с принцессой отпускали лишь до свадьбы последней в качестве мудрых советников и попечителей.

Тем временем обоз был полностью укомплектован. Грузенные приданым, провиантом, различной снедью телеги были поставлены у противоположной стены в ожидании своего часа. Тяжелые лошади, специально выведенные для перевозки грузов на дальние расстояния, нетерпеливо похрапывая, были полностью готовы к дальней дороге. Возницы занимали свои места на телегах, а шустрые конюхи тем временем вели под уздцы жеребцов, что должны были нести на себе охрану принцессы.

«Ну наконец-то вмняемое средство передвижения», – с толикой облегчения подумала я. Каково же было мое удивление, когда самым последним из всех показался мой ушастый друг. А точнее сказать, одни уши и показались, да конюх, что пытался вытянуть животину из-за угла здания, чтобы подвести ко мне.

Нет, чуда не случилось, и осел оказался ослом, а не ушастой лошастью. Причем животное истощено орало, упиралось и напрочь отказывалось выходить на шумный двор.

Делать было нечего, пришлось идти самой забирать свое средство передвижения и успокаивать, пока мы не стали обузой для всего каравана. Под тихие смешки и насмешливые взгляды я подвела успокоившегося осла к стражникам, которые уже успели оседлать своих жеребцов и теперь строились в колонну по двое.

– Будешь замыкающим, – строго сказал Сэй Лум, взирая на меня сверху вниз.

Тяжело вздохнув, вынужденно согласилась. Очень надеюсь, что под впечатлениями толпа не станет обращать внимание на моего гордого скакуна и меня, восседающую на нем. Конечно, во всем виноват мой Сэ'Паи, ну и я тоже хороша. Забыла, что воины сами приобретают себе лошадей. И то, насколько хорошо животное, говорит о достоинствах воина, его положении и

статусе. Хотя, с другой стороны, вполне закономерно то, что юный ученик смог наскрести себе лишь на пусть и молодого, но осла.

Телеги двинулись через запасные ворота и должны были присоединиться к нам уже за чертой Каишим, дабы не отяжелять процессию. Мы же выехали через те ворота, в которые я вчера пришла во дворец. Только двинулись не на выход, а к парадному крыльцу, возле которого уже столпилось внушительное количество людей. Конечно, все собравшиеся в пределах дворца были знатью. Толпа пестрела разнообразием шелковых кимоно, вееров, изысканных причесок и красочными гребнями в них. Каждый постарался надеть на себя все самое дорогое. Женщины, в знак скорби по принцессе, загоразивали свои лица разноцветными веерами, которые без конца теребили в руках, и те порхали, словно крылья диковинных бабочек, отчего вокруг стоял невероятный треск. Мужчины с непроницаемыми лицами взирали то на нас, продвигающихся к крыльцу, то на Императора, что сиял на солнце, словно новенькая монетка, в своем золотом кимоно, восседая на уже виденной мною скамье. Окружение вокруг Императора было все тем же, разве что к тем троицам северянам присоединились их спутники в полном вооружении. Даже я прониклась их статью и мечами, что были в половину моего роста.

«Такими, наверное, и сражаться не надо, главное – правильно уронить на соперника», – вяло пошутила сама с собой, стараясь призвать себя к спокойствию. Ведь, несмотря на все мои умения, я живая, из плоти и крови и мне тоже может быть страшно. Именно сейчас я со всей ясностью начала понимать, что покидаю родные края. Неизвестно, представится ли мне хоть еще раз в этой жизни возможность вдохнуть воздух гор, увидеть лицо Сэ'Паи Тонга, пройтись по каменным плитам Дао Хэ. Мой единственный дом останется далеко на востоке Империи Солнца, я же... у меня нет волшебных костей, чтобы раскинуть их на дорожку и предсказать исход этого пути. Но есть надежда, что все самое интересное ждет меня впереди. Там, где вековые льды сковали землю, где снег бархатным одеялом стелется под ногами путников и где живет удивительный, неизвестный мне народ, узнать который мне очень хочется, но еще хотелось бы остаться в этом мире к исходу пути...

Тем временем на парадном крыльце появилось новое действующее лицо. Маленький мужичок, скорбившийся под тяжестью прожитых лет, вышел и, встав перед толпой, заговорил:

Моя скорбь по тебе велика,
Твой лик затмил собой и Солнце, и Луну,
Ты ушла и Э'куры лепестки опали,
Без звезд небо над головой.

Всего четыре строчки, произнесенные мужчиной, привели к тому, что женская половина собравшихся замахала веерами сильнее и завывала на одной высокой ноте. Северяне как-то дружно поежились, зло сверкнули глазами на присутствующих женщин, но большего себе не позволили. В это время с противоположной стороны появились новые действующие лица. Десять девушек, наряженных в одинаковые красные кимоно, со скорбными минами вышли на небольшую площадку перед крыльцом. Их лица покрывал густой слой белой краски, губы были нарисованы ярко-алой помадой, брови подведены черными карандашами так, что само выражение лиц несло на себе печать невыносимой скорби. Выйдя, они рассредоточились так, что образовали собой живой коридор, по которому не спеша шла сама Иола, облаченная в бело-снежное траурное кимоно. Девушки осыпали ее следы нежно-розовыми лепестками Э'куры, при этом напевая какую-то древнюю обрядовую песню, больше всего напоминающую вой голодной собаки.

Иола сегодня была сама безупречность. Скромный, кроткий взгляд, чуть сутулая спина, ничего не выражающее лицо. Она словно плыла, едва касаясь земли своими причудливыми башмачками. Только вот, в отличие от присутствующих, я уже знала, что за зверь живет в душе

у этой милой невесты. Ее волосы были убраны в высокую прическу, которую украшали цветы Э'куры и маленькие алые розы, словно капли крови на девственно-чистых лепестках. Думаю, нет нужды говорить, символом чего была эта комбинация цветов в ее волосах.

Принцесса прошла живой коридор, и тут же появились четверо бравых юношей, что несли на своих плечах небольшой закрытый белым шелком паланкин. Перед тем как сесть внутрь него, Иола обернулась и посмотрела на отца. Император словно ждал этого, тут же поднялся на ноги и, даже не взглянув на дочь, повернулся к ней спиной. Всё. Его дочь умерла для своей семьи и теперь принадлежит тому, кто в ближайшем будущем станет ее мужем. Иола так же чинно отвернулась от отца и забралась внутрь маленького шатра.

Что тут началось! Женщины взвыли с еще большей силой, мужчины застучали сложенными веерами, подняв их перед собой парами крест накрест. И ко всему этому многообразию звуков во все горло заорал мой осел! Народ воспринял это как знак, что все живое оплакивает принцессу, и, воодушевившись, продолжил безобразие с удвоенной силой. Тем временем северяне, чинно раскланявшись с Императором, заняли места на своих огромных лошадях и, возглавив процессию, двинулись к центральным воротам, за ними отправились носильщики, держащие на плечах паланкин с принцессой, затем размалеванные служанки, все еще кидающие лепестки вслед, стража, возглавляемая Сэй Лум, и замыкала всю эту вереницу уже я – на истошно орущем осле.

За пределами дворца нас встречала толпа простого люда, но картина из-за этого принципиально не менялась. Все так же выли женщины, все столь же ритмично стучали своими веерами мужчины, разве что осел привык к шуму и перестал орать. Продвигались мы медленно, идти нужно было далеко, особенно было жалко девушек в туфельках на высокой платформе и узких кимоно, которым предстояло пройти весь этот путь пешком, неустанно осыпая улицы нежно-розовыми лепестками под завывания толпы. Но стоило нам через несколько часов от начала пути оказаться за Северными воротами Каишим, как к нам присоединились груженные обозы, и девушки перекочевали в одну накрытую тентом повозку, с ними же отправилась и принцесса. Маги, будучи достаточно преклонного возраста, тоже предпочли занять одну из повозок. Их лошади были расседланы и привязаны к их же повозке. Все это произошло достаточно быстро. Северяне, одобрительно кивнув на произведенную перестановку, остались во главе обоза, стражники стали замыкающими. Впереди нам предстояло долгое, мучительное путешествие через полстраны, потом необходимо было обойти по границе непроходимые джунгли Умира – страны с еще более жесткими порядками, чем в Аире, и находящейся в открытой конфронтации с нашим правительством. Но при этом первыми умирцы никогда не нападали ни на обозы, ни на простых путников. Правда, за границами следили очень бдительно. Затем нам нужно было сделать переход по нейтральным или кочевым землям прямо к Золотому морю, где нас должны были ждать северные корабли. С их помощью из моря пройти в открытый океан, а дальше уже и в земли северян. Одним словом, наш поход обещал быть долгим, так мне тогда казалось...

Мы следовали почти до самого вечера по изрядно опустевшему тракту. То, что сегодня по этой дороге будет двигаться свадебный караван принцессы, знал даже ленивый, и лишний раз препятствовать движению процессии не стал бы никто. И дело было тут даже не в том, что люди не хотели на это взглянуть или у них не было своих дел. Еще как были! Но была и примета: преградить дорогу умершему – а в Аире невеста и покойник имеют приблизительно один и тот же статус – значит навлечь беды на весь свой род. Хорошая примета, позволяла ехать достаточно быстро и беспрепятственно, как это только возможно, имея груженный обоз на хвосте. И так будет до самых границ страны, в этом я была практически уверена. Любой аирец отложит самые срочные дела, лишь бы увериться в собственном благополучии.

Но дотемна ехать было просто невозможно, да и не нужно, собственно. Лучшие императорские умы задолго до предстоящей помолвки разрабатывали наш маршрут, рассчитывая скорость движения и прочее. Для нас уже были заготовлены места стоянки, а подъезд к ним пропустить было просто невозможно, так как это были ответвления от общего тракта с указателями. Помимо прочего император организовал специальные охранные посты на каждой из стоянок. Жаль только, эта благодать продлится ровно до границ Империи, а дальше уже не есть забота Императора.

Стоянку обустроили на широкой поляне посреди непролазного леса. Как я поняла из разговоров стражников, поляна была искусственно вырублена специально для этой ночевки. Не то чтобы торговые караваны ночевали прямо на тракте – конечно, у них были свои места для остановки, – но для принцессы папа решил расстараться в последний раз. И потом, не думаю, что все караваны просто истаяли с тракта, скорее всего, они будут пережидать нашу процессию не покидая стоянок. Как только кони были расседланы, возницы взялись за кормление и уход каждого животного, имеющегося в обозе. Даже осла уговорили отужинать под их присмотром, за что я была им неизменно благодарна. Хоть осел мог и сам найти пропитание в походных условиях, но последнее время он взялся везде ходить за мной словно привязанный. И это меня периодически раздражало. И так приходилось уходить как можно дальше, чтобы справить нужду, так еще и этот шел след в след сквозь непролазные дебри.

Наш отряд разделился на пять компаний, если можно так сказать. Северяне организовали свой ночлег поодаль от нас от всех, далее разместились три колдуна и их слуги, затем белым цветком раскинулся шатер принцессы, войти в который мог лишь Сэй Лум и женщины. Капитан был туда вхож, только если все десять служанок были внутри. Далее самым многочисленным лагерем встала стража и возницы, ну, и в стороне ото всех я. И как-то так получилось, что, вместо того чтобы быть дальше от людей, я оказалась между стражниками и северянами. На резонный вопрос капитана, почему развожу отдельный костер, не задумываясь соврала, что держу обет и вынуждена питаться весьма скромно.

– Куда уж скромнее? – изумился капитан, выразительно поглядывая на закипающую похлебку в общем котле.

– Я поклялся не есть мяса, – складывая небольшой костерок, пробурчала я.

– О, – сочувственно протянул капитан. – Да услышат Боги твои молитвы, – сказал он, направляясь к остальным.

Капитан не стал спрашивать, в чем еще заключается мой обет, потому как это было бы, во-первых, неприлично, а во-вторых, ни один уважающий себя воин не рассказал бы об этом под страхом смерти. Ибо раз дал такое обещание Богам, значит, важнее ничего нет и быть не может.

За густыми зарослями умиротворяюще журчала лесная речка, где большинство уже разжилось водой и теперь стряпало то, что было возможно согласно положению и условиям. Я же нарочито ждала, пока каждый наберет воды, чтобы потом спокойно прогуляться до речушки.

Когда все расселись, каждый занимаясь своим делом, я поспешила к реке, прихватив с собой небольшой котелок и кое-какие туалетные принадлежности. Все же быть женщиной среди мужчин – это испытание не для слабых сердцем и нервами. Как выяснилось, мужчины не спешили ни мыться, ни приводить себя в порядок. Более того, некоторые без стеснения скидывали с ног обувь, что успела пропитаться весьма специфическим запахом пота, скрещивали «ароматные» ступни перед собой, ставили на них миску с едой и как ни в чем не бывало принимались за еду. Я сидела далеко, но даже до меня доходили эти «прекрасные» запахи. В Дао Хэ за такое я бы получила увесистой палкой по хребту. И Сэ'Паи Риу, что был у нас за повара, было бы абсолютно все равно, сколько километров я сегодня пробежала или сколько часов спарринговалась и какие травмы при этом получила.

«Сядясь есть, проявляй уважение к себе и окружающим. Принимай пищу с благодарностью земле, что породила этот урожай, и не будь рабом своего тела, удовлетворяясь малым, осознавай, что этого более чем достаточно», – так нас учили, а тут дикость какая-то. Особенно вспоминались слова моего Сэ’Паи Тонга: «Тело – это храм твоей души. Люби его, почитай и учись слушать, когда оно говорит с тобой».

Добраться до реки было несложно: хотя уже стемнело, но на небе появилась полная луна, бледный свет которой без труда проникал сквозь ветки деревьев.

Река была близко, хотя правильнее было бы назвать ее широким ручьем, который серебряной лентой огибал нашу стоянку полукругом. Я присела на самом краю пологого берега. Сперва набрала в котелок воды, затем постирала тряпки, в которые кутала ноги, после омыла ступни. Хотелось искупаться полностью, и я бы это сделала, не будь в отряде чужаков с севера, потому как вовсе не была уверена, что почувствую их приближение. Потому просто намочила припасенную тряпицу и протерла тело под одеждой. Какое же это блаженство: смыть дорожную пыль с уставшего тела. Затем сняла шапочку и распустила волосы, достала гребень и начала причесывать густые пряди. Я уже научилась заплетать сложную косу послушника Ю Хэ достаточно быстро, потому решила привести себя в порядок сейчас, когда было свободное время. Никто не знает, каким будет утро. Вот за этим занятием меня и нашли те, кого я так опасалась.

– *El ist a fimme? Sie!*⁴ – раздался громкий шепот со спины. Ну, конечно, не такой и громкий, но я расслышала хорошо, хотя человек бы не услышал. Потому спокойно закончила с расчесыванием и начала заплетать косу.

– *Ne. Du sie biest*⁵, – поучительным тоном произнес второй голос. – *Comm*⁶.

Шаги стали отчетливо слышны как раз тогда, когда я заканчивала заплетать косу. О чем эти двое перешептывались, я конечно же не поняла, но, по всей видимости, они решили подойти ко мне. А стало быть, самое время их заметить. Испуганно заозиравшись, шустро вскочила на ноги и сделала вид, что отчаянно всматриваюсь в темноту леса. Надеюсь, не перестаралась. Когда ветви ближайшего кустарника раздвинулись и на поляну вышли двое мужчин, то я даже как-то оробела. Одним из северян был тот, что называл моего осла зайцем, а вот второго я никак не ожидала увидеть здесь. Почему-то казалось, что ему не пристало лазать по лесу, да еще и ночью. Его белоснежные локоны отливали серебром в свете луны, а в глазах отражался бесконечный лед севера. Даже кожа выглядела мерцающе-бледной сейчас. Черты лица, его осанка, манера держаться должны были говорить о благородном происхождении, в этом я была уверена. Он смотрел на меня совершенно серьезно, без толики приветливости или улыбки во взгляде. Зато его компаньон, казалось, веселился от души. Только уж, что его так смешило, понять я не могла, как ни старалась.

– *Er herre lust zu mutten!*⁷ – наконец захохотал мужик, обращаясь явно не ко мне.

– *Revt en, er sims schwim ent kerste im*⁸, – беловолосый с такой холодностью осмотрел меня с ног до головы, что я почувствовала себя последним ничтожеством в этом мире. Так неприятно никогда в жизни не было! – *Er civil ess!*⁹

– *Ya, civil but anfengsten ire*¹⁰, – еще раз хохотнул второй.

– *Ya, anfengsten ire sims. Ich hurre hurst warre has ei warre gut! Er sims cretin!*¹¹

⁴ Никак баба? Смотри!

⁵ Нет. Сам смотри лучше.

⁶ Идем.

⁷ Зайца, наверное, своего пасет, не иначе!

⁸ Вряд ли, похоже, косы плетет да моется.

⁹ Хоть один цивилизованный!

¹⁰ Да, цивилизованный, но недоделанный, похоже.

¹¹ Да, похоже, и впрямь недоделанный. Я слышал, что у них каков воин, такова и лошадь. Этот, наверное, совсем дурак!

– Ya! – протяжно захохотал второй. – Sims familie gebst er fur langer bins acht! Sie? Ne que sit er!¹²

– Schlecht! Uns cretin habbe nicht!¹³ – мужчина с серебристыми волосами презрительно фыркнул и нарочито медленно заговорил со мной. Словно я от этого лучше понимала, чего он хочет. – Как тебя зовут, мальчик?

Какое-то время я молчала, отчаянно борясь с волнением, что неожиданно охватило меня. Голос этого мужчины заставлял меня нервничать по совершенно непонятным мне причинам. Затянувшаяся пауза, похоже, не добавила мне уважения в глазах северян. Потому как весельчак что-то быстро побормотал, а сереброволосый заметно нахмурился.

– Sims unne stin gabst nict!¹⁴.

– Дэй Ли, – совладав с собственным волнением, наконец сказала я.

Мужчина, выразительно посмотрев на все еще посмеивающегося товарища, что-то ответил, прежде чем обратиться ко мне.

– If er richt ersend wir mus sage warum grette ser ire sutce aus?¹⁵

– Скажи, Дэй Ли, – старательно выговаривая мое имя, начал произносить он, – почему все в Каишим так плакали, когда мы уезжали?

Я непонимающе посмотрела на мужчин. То, что было очевидным для любого аирца, оказалось загадкой для чужаков. А объяснять чужакам верования другой страны – это задача достаточно непростая.

– Sprehe list! Er sims not gid!¹⁶.

На эту реплику блондин согласно кивнул и заговорил так, словно воды в рот набрал. Мужчина растягивал слова, распевая гласные звуки так, что я, учитывая акцент, вообще с трудом начала понимать, о чем он говорит.

– Коооогдаааа мыыы уууеееееезжаааалииии, всееее плаааакаааалииии, поооочеееемууу?

Вовремя решив, что дальше будет только хуже, решила попытаться объяснить, пока этот мужик не начал петь.

– Это такое поверье, – достаточно медленно, четко произнося каждый слог, заговорила я. – Аирцы верят, что в день свадьбы, а в данном случае в день помолвки, невеста умирает для своей семьи, чтобы переродиться в семье мужа.

– Barbarians¹⁷, – коротко прокомментировал мой ответ блондин, в то время как его товарищ разразился настоящей тирадой.

– Gratulire uns erce! Such Schreclich incem werde! Face igt lirde bee space as eye not lich! Red frogste uns habbe tols litte! Geeen gidde wind aus ins tjolle nid laddt!¹⁸

– Shut!¹⁹ – так гневно рыкнул мужчина, что я невольно подпрыгнула. – Du sprehe un seine ire wife!²⁰

– Shut! Shut!²¹ – все еще посмеиваясь, замахал руками перед собой, кажется, Кельм – так его называли в день нашей первой встречи. Мужчина был похож на огромного рыжего

¹² Семья, наверное, все деньги отдала, чтобы его в другую страну увезли! Видел? С ним даже сидеть не хотят!

¹³ Плохо, только дурака в походе не хватало!

¹⁴ Похоже, неспроста ему мечи не дают.

¹⁵ Если он и впрямь глуповат, то можно у него спросить, чего все так расстроились, когда мы уезжали?

¹⁶ Говори медленнее! Он, похоже, не очень-то понимает.

¹⁷ Варвары.

¹⁸ Радоваться надо, такую страшилудалось сосватать! Лицо словно дикие пчелы искусили, аж глаз не видно! Нос как блямба, тощая как палка. Идет – того и гляди ветром унесет! Хоть бы гири какие к ногам подвесили!

¹⁹ Замолчи!

²⁰ Между прочим, говоришь о будущей жене одного из нас!

²¹ Молчу! Молчу!

исполина. Он был высок, широкоплеч, с зелеными озорными глазами и с совершенно детским, непосредственным лицом. Хотя если присмотреться к нему внимательнее, то вовсе и не непосредственность читалась в чертах его лица, а хитрость. Мужчина казался этаким хамелеоном. То он смеется, словно ребенок, то смотрит, будто давно живущий на этом свете мудрец.

– Мееенная зооовууут Рик, – неожиданно представился серебряволосый северянин, – а этооо Кельм, – указав рукой на товарища, кивнул он. – Согласишься ли ты пояснить нам особенности вашей культуры...

– List! List!²² – неожиданно перебил Кельм своего товарища, когда я наконец начала более-менее его понимать.

Рик, словно забывшись, благодарно кивнул товарищу.

– Соооглааасишьсьяя лиии тыыы пооояясняаять...

Так, кажется, я начинаю понимать, в чем проблема. Должно быть, они считают, что, когда говорят в нормальном темпе, я плохо их понимаю.

– Говорите нормально, – перебила я певучую речь северянина, – я плохо понимаю, когда вы тянете слова.

Мужчина как-то растерянно замолчал и обвиняюще посмотрел на товарища. Кельм округлил глаза, помолчал несколько секунд, после чего разразился громоподобным смехом.

– Wist, keine cretin either!²³ – все еще посмеиваясь, заключил он.

– Хорошо, Дэй Ли, – наконец-то Рик начал говорить с нормальной скоростью и интонацией, – нам просто казалось, что так тебе будет легче нас понимать.

– Почему? Я что, тупой? – как-то само вырвалось у меня.

Рыжий уже хохотал так, что ему приходилось утирать слезы в уголках глаз. Впервые вижу, чтобы человек был столь несдержан в эмоциях!

– Нет, я не имел этого в виду, – примирительно заговорил блондин. – Shut ire!²⁴ – вновь обратился он ко все еще веселящемуся другу, прибавив в голос рычащих ноток. – Прости, но мы бы хотели попросить тебя разъяснить кое-какие вопросы, что будут возникать у нас относительно вашей культуры.

Странно, с чего бы им обращаться по такому поводу к юному паи? Не легче ли расспрашивать тех же колдунов-мудрецов? Они-то всяко лучше должны знать, разве не так?

– Конечно, я поясню, – все же согласилась я. Это был хороший повод для меня быть ближе к ним, запоминать новые слова, хоть как-то учить язык, на котором они говорят, и в то же время наблюдать за чужаками. – Спрашивайте, когда будет нужно, – стараясь изобразить непосредственность, я широко искривила рот, надеясь, что это будет похоже на улыбку.

– Oh, kolte myr dirte!²⁵ – прокомментировал Кельм что-то на родном языке.

– Shut, – уже привычно огрызнулся Рик и легко улыбнулся мне в ответ. Улыбка у него была такой искренней, на миг показалось, что от нее может стать теплее на сердце. Почему так, интересно? Так мог улыбаться лишь Сэ'Паи Тонг, я называла эту улыбку «честной». В нее хотелось верить, в отличие от многих ужимок, которыми пользовались люди, чтобы обозначить свои чувства.

После того как я согласилась пояснить чужакам то, что будет для них непонятно, я поспешила покинуть ручей. Во-первых, уже начинало темнеть, а мне еще надо было сварить кашу для себя, а во-вторых, должно быть, северяне пришли к ручью по своим нуждам, а не для праздного разговора со мной. Потому, быстро извинившись и пожелав им спокойной ночи, я

²² Медленнее! Медленнее!

²³ Ну, может, и не такой тупой!

²⁴ Заткнись уже!

²⁵ О, оскалился, аж кровь в венах стынет!

направилась к общей стоянке лагеря. Но стоило мне показаться, как ко мне тут же подошел Сэй Лум. Капитан не стал ходить вокруг да около, а прямо спросил то, что его так взволновало:

– Они говорили с тобой?

Пояснения мне были не нужны, мы оба понимали, о ком говорит капитан.

– Да, – коротко ответила я.

– Чего хотели?

– Спрашивали, почему все плакали, когда мы уезжали из города, – не видя смысла скрывать наш разговор, ответила я, при этом ставя котелок на огонь и насыпая в него крупу.

– И что ты им сказал? – очень серьезно поинтересовался он.

– Сказал, что такая традиция в Аире, а что? – Должно быть, капитан решил, что меня усиленно вербовали у ручья в ряды северян. Но это было даже забавно, учитывая, что если эти «люди» захотят узнать что-то секретное, то ни один человек не сможет устоять и не рассказать того, что будет нужно чужакам. Не считая меня, конечно. – И попросили разъяснить им то, что будет непонятно в наших обычаях, – добавила я через какое-то время.

Сэй Лум ненадолго задумался, кивнул собственным мыслям и снова заговорил:

– Вот что, раз уж они решили с тобой общаться, не отказывай, заодно будешь наблюдать за ними, а после рассказывать мне, что подметил. Идет?

Ну что тут скажешь? Конечно, капитан, как будет приказано. На том и порешили. Капитан оказался умным мужчиной, который в каждой случайности видел возможность. В данном случае, несмотря на то что Йола была сосватана за одного из северян, капитан все равно сомневался и желал знать больше о чужаках. Я его понимала, потому решила, что если сочту возможным поделиться информацией, то непременно поделюсь.

Когда моя каша была готова, я пересыпала содержимое котелка в миску и, взяв котелок, вновь отправилась к реке. Нужно было ополоснуть посуду и поставить воду для чая. Но стоило мне вернуться, как ко мне подошел один из северян. Кажется, это был Бьерн.

– Присоединяйся к нам, – просто сказал мужчина, указывая рукой на их компанию.

«Что-то я сегодня пользуюсь популярностью у чужаков», – отстраненно подумала я, но упрямиться не стала. Подхватив миску с кашей и поставив котелок с водой на огонь, отправилась за мужчиной. По дороге заметила внимательный взгляд Сэй Лум, которым он провожал мою фигуру. Сам капитан не выглядел недовольным, скорее наоборот: он, казалось, предвкушал то количество новостей, которое позже я смогу ему передать. Я же старательно делала вид, что ничего не замечаю и не понимаю.

Сразу вспомнился мой друг Тэо, который весьма любил одну игру, называя ее «Поиграем в дурака». Учитывая то, что наши наставники не могли и дня прожить, не задав нам какой-нибудь загадки или просто-напросто наврать с три короба, принуждая распутывать ситуацию самостоятельно, а Тэо был весьма ленивым паи, если такое вообще возможно в Дао Хэ, и порой он и его Сэ'Паи буквально сталкивались лбами, преследуя каждый свою цель. Тэо не хотел часами думать над поставленной задачей, а Сэ'Паи хотел заставить его делать именно это. В результате находчивый приятель изобрел способ доведения наставника до нужного состояния. Когда тот просто сам готов был выложить как на духу, что же он хочет от Тэо. Сначала у него не слишком выходило, но к концу обучения он мог манипулировать своим наставником как хотел! Он просто истово верил в нужные моменты, что он полный дурак и ничего не понимает. Сэ'Паи Ли был довольно молодым для Тени, конечно, опыта в общении с учениками у него было не очень много, и большую часть своей жизни он провел в стенах монастыря. Я бы сказала, что это обстоятельство сделало его чересчур наивным в некоторых вопросах. Бедный наставник желал добра своему ученику, и то, что порой Тэо не понимал того, чего от него хотят, он принимал на свой счет, думая, что плохо ставит задачу или объясняет. Тогда мужчина начинал объяснять более просто, потом еще проще, потом Тэо понимал, что нужно, а наставник наконец осознавал, что им манипулируют, брал бамбуковый прут и принимался за более доходчивый

метод воспитания. Но цель была достигнута. Не совсем тем способом, на который рассчитывал наставник, но тут уж не придерешься...

К чему я веду: если подумать, то в моем случае лучше всего быть чем проще, тем лучше, чтобы быть ближе и к тем, и к другим. Дурачков любят все, в их присутствии не слишком умные чувствуют себя практически гениями, те, кто привык подозревать всех и вся, расслабляются и невольно начинают доверять простодушному пареньку, считая, что у того ума не хватит на что-то большее. Да, пожалуй, игра Тэо придется весьма кстати.

Пока я думала о своем, мы уже подошли к костру, вокруг которого сидели чужеземцы. Всего их было одиннадцать. На какой-то момент мне показалось, что я – маленький человек из сказки, который оказался в стране великанов. Все же телосложение айрцев и северян отличалось весьма и весьма. Среди наших мужчин были и высокие, и низкие, но в основном рост мужской половины Аира не превышал 175 сантиметров, женщины были и того меньше. Фигуры большинства из нас были жилистыми, поджарыми, полные люди, конечно, тоже встречались, но почему-то считалось, что такое возможно в очень зажиточных семьях и у людей, которые едят сутки напролет. Наша комплекция и то, как привыкли питаться в Аире, к полноте не располагали. Северяне же были на голову выше, если не на две, среднего айрца. Телосложение более мощное, развитое. Да и сама внешность отличалась кардинально. Конечно, больше всего мне нравилось то, что у них были разноцветные волосы. После того, как я сняла сухэйли, у меня появилась странная любовь ко всему яркому и цветному. Если бы было можно, я бы часами разглядывала то, как путаются огненные блики в рыжих или белых волосах. Это было красиво.

Мужчины разговаривали на своем гортанном наречии, без конца над чем-то шутили и очень открыто смеялись, без стеснения делали это, показывая зубы. Еще одно отличие между севером и Аиром. В Аире неприлично смеяться таким образом, чтобы собеседник мог видеть твои зубы. И если посмотреть сейчас на костер, за которым сидели воины Аира, ничего подобного увидеть было нельзя. Айрцы сидели, ведя неспешную беседу, и если не прислушиваться, то казалось, что ужинают они в полной тишине.

Бьерн, который привел меня к костру, тут же уселся на первое попавшееся место, бесцеремонно отломил кусок жареного мяса у соседа и, совершенно не обращая внимания на гневные взгляды последнего, начал с удовольствием чавкать, откусывая один кусок за другим.

Смотря на то, как золотистый мясной сок стекает по его подбородку и с каким упоением мужчина поглощает эту еду, меня ощутимо замутило. Но я тут же взяла себя в руки, уверяя собственный организм в том, что это ничего, они так привыкли. Для них это нормально.

– Чего там у тебя в твоей миске? – просто спросил рыжеволосый Кельм, должно быть расценив мою невольную гримасу по-своему.

– Каша, – тихо ответила я, а вокруг все начали посмеиваться.

– *Er schmutze girn alle abend zu!*²⁶ – посмеиваясь, пробасил один рыжебородый мужчина.

На эту его реплику все утвердительно закивали.

– Угошайся, – в разговор опять вступил Кельм, протягивая мне хорошо прожаренный воючий ломоть плоти. У меня аж дыхание сперло в груди от этого его жеста.

– Спасибо, но мне нельзя, – на одном дыхании пробормотала я.

Мужчины непонимающе переглянулись, не зная, видимо, как воспринимать мой отказ.

– Почему? – искренне изумился рыжий весельчак. – Ты болен?

– Нет, нет, – поспешно ответила я, пока от меня не начали шарaxаться. – Я просто дал обещание не есть мясо.

Моя последняя реплика возымела совершенно неожиданный эффект. Разговоры у костра тут же стихли, и воцарилось шокированное молчание.

²⁶ Даже не смог себе дичь на ужин подстрелить!

– Erre im kill wilt²⁷, – заключил один из мужчин, что сидел ко мне ближе всех.

– Richt, err sagt die clyast will er die zum winter. Ich sure es fammile sagt er zu wit²⁸, – согласно кивнул Кельм, с каким-то невероятным состраданием во взгляде посмотрев на меня.

– Зачем же ты согласился, мальчик? – тихо спросил Бьорн, отвлекаясь от поглощения пищи.

Я тяжело вздохнула, стараясь придумать, что же на это ответить. Мужчины расценили мой вздох по-своему, и уже не один Кельм смотрел на меня с жалостью. Причем не так, как смотрят, когда хотят помочь, а так, когда видят перед собой неизлечимо больного, который вот-вот отправится на тот свет и поделаться уже ничего нельзя.

– Садись, парень, не стой, – пробасил самый старший из присутствующих. Во всяком случае, на вид мужчине было около пятидесяти лет, в его темно-русых волосах начинала пробиваться седина, хотя казался он весьма крепким и сильным. – Я Олаф, – коротко представился он, – садись и расскажи нам свою историю, малыш, – Олаф гостеприимно похлопал по топчану, на котором сидел, приглашая присесть рядом с ним.

«Малыш?» За кого они меня принимают, интересно? Хотя пусть думают, что хотят. Присев на выделенное мне место, решила рассказать северянам то же, что сказала и Сэй Лум. Как видно, мой рассказ на чужестранцев должного впечатления не произвел, потому как смотреть в мою сторону начали теперь уже настороженно и с подозрением.

– Alles clyar. Er – unnormal²⁹, – жизнерадостно заключил Кельм, откусывая очередной кусок от того мяса, что недавно предлагал мне.

– Ne, er no unnormal, yet stupid clar!³⁰ – возразил платиновый блондин, что сидел прямо передо мной.

– No differ³¹, – хохотнул рыжий, окружающие поддержали его таким же согласным смехом.

Молчаливыми оставались лишь те трое, что я видела на приеме у Императора. Они просто переглянулись, обменявшись взглядами, и согласно чему-то кивнули.

Утро встретило нас густым туманом, что белой влажной дымкой стелился по всей поляне. Солнце едва показалось на горизонте, как Сэй Лум велел всем подниматься, давая на сборы не больше часа. Я проснулась где-то за час до общего подъема и уже успела привести себя в порядок, убрать вещи и даже выпить чаю, доев остатки вчерашнего ужина. Сейчас, когда полсотни мужчин ломанулось в окрестные кусты, я была рада своей предусмотрительности. Где-то минут через пятнадцать после того, как был объявлен общий сбор, полы белого шатра принцессы приподнялись, и на поляну высыпало сразу десять служанок и сама Иола. Все девушки были одеты в темно-синее кимоно из простой материи, сама же принцесса облачилась в более скромный наряд, но шелкам изменять не пожелала. Девушки не спешили бежать на поиски укромных кустиков, но оно и было понятно, все необходимое для женщин было обустроено внутри их же шатра.

Иола выглядела уставшей, казалось, девушка не привыкла к столь ранним подъемам, но держалась она все же согласно этикету. Повелительно взмахнув рукой, принцесса подозвала к себе одну из служанок, что-то прошептала ей на ухо, и казалось, задумалась, о чем-то своем, не замечая никого вокруг. Девушка-служанка, глубоко поклонившись госпоже, побежала исполнять то, что ей было приказано. Как оказалось, далеко ей бежать не пришлось, потому как Иола, похоже, приказала позвать Сэй Лум к ней на разговор. Капитан тут же подошел к прин-

²⁷ Его хотят убить.

²⁸ Точно, тот, кто взял такое обещание, хотел, чтобы парнишка издох к зиме ближе. Не удивлюсь, если это родственники.

²⁹ Все ясно. Он – ненормальный.

³⁰ Нет, он не ненормальный, просто глупый еще совсем!

³¹ Без разницы.

цессе, глубоко поклонился и спросил, чего изволит госпожа. Я тут же напрягла слух, чтобы хорошо расслышать то, о чем они будут говорить. Хотя, как я заметила, сделала это не только я одна. Несколько северян тоже, похоже, вслушивались в разговор и, судя по всему, расстояние для них помехой не было. Это стоило отметить на будущее.

– Сэй Лум, что за переполох? – капризно изогнув губы, спросила Иола, не уделив капитану и взгляда.

– Нам пора выдвигаться.

– Это я поняла, – недовольно шикнула она, – но зачем так рано?

Один из северян, слушавших этот разговор, широко улыбнулся, качая головой.

– Так мы можем преодолеть большее расстояние за дневной переход.

– А мы что, сильно спешим? – гневно воззрилась принцесса на капитана. Сэй Лум тут же отвел глаза, дабы не оскорбить принцессу.

– Но из-за каравана мы и так движемся слишком медленно, – стараясь объяснить принцессе очевидные вещи, продолжал говорить капитан.

– Не знаю, как тебя, но меня такая скорость вполне устраивает.

Так, кажется, в нашем отряде назревал первый конфликт, и, подумать только, какая неожиданность, инициатором была светлейшая невеста. Я заметила, с каким интересом начали коситься в сторону этих двоих северяне, о чем-то тихо переговариваясь. И почему-то мне казалось, что из-за того, кто выйдет победителем в этом споре, того чужаки и будут воспринимать как нашего капитана. Тем временем Сэй Лум глубоко вздохнул и на какое-то время замолчал. Принцесса тем временем самодовольно улыбнулась и уже приготовилась вернуться в шатер, как от группы северян отделился мой вчерашний знакомый, Рик, и направился в сторону спорщиков.

– Что здесь происходит? – очень четко спросил он, в голосе его звучала сталь.

Принцесса остановилась, не дойдя до шатра всего несколько шагов. Она тут же обернулась и смерила чужеземца презрительным взглядом, что для женщины было просто непозволительно, и тут же сказала:

– Мы задержимся еще на несколько часов.

– Нет, – коротко ответил Рик. И это его «нет» было столь жестким, что возразить бы не посмел никто.

– Но... – начала было Иола, но северянин ту же перебил ее.

– Собрать шатер, через двадцать минут выдвигаемся, – он повернулся к принцессе спиной, не сомневаясь, что все будет исполнено в точности, как он велел, и направился к своим людям, что сейчас довольно резво обменивались репликами и смешками. Аирцы же тут же принялись исполнять приказ северянина. Тот взгляд, который Иола устремила в спину серебряного мужчины, мог испепелить его на месте, если бы девушка обладала хоть каплей силы.

До границы Аира караван добрался за неполных три недели. Все это время мы продвигались весьма спокойно и размеренно. Не было ни стычек внутри отряда, ни каких бы то ни было нападений извне. Что в целом и неудивительно. В Аире не было крупных хищников, способных напасть на такой внушительный отряд, зато их хватало в землях Умира, начиная от огромных тигров, чей рост в холке достигал двух человеческих, а клыки были длиной в две ладони, и заканчивая огромными змеями, способными сломать хребет лошади и проглотить ее целиком. А также ядовитые травы, растения, источники. Конечно, не все, но и тех, что были, хватало вполне. Сэ'Паи Тонг в свое время заставлял меня зубрить наизусть всю флору и фауну, населяющую Умир, иногда мы даже совершали ментальные путешествия в эти края, так что худо-бедно, но я знала, чего нам ожидать от этих мест. Никто толком не знал, почему все эти твари не обитают на землях Империи. Кто-то считал, что это Бог Солнца облагодетельствовал

Аир, кто-то, что земли Умира были прокляты многие века назад. Но правда была покрыта завесой тайны и веков. Что было на самом деле, не помнил никто, вот только в Умир без лишней надобности соваться никто не хотел.

Что же касается нападений людьми, в Аире это было практически на грани фантастики. Слишком уж суеверной была наша страна, а страх перед императорской семьей был впитан с молоком матери. Поднять руку на принцессу – приравнялось к тому, что ты сам проклинаешь весь свой род на века. Безусловно, в землях Императора Солнца были и разбойники и убийцы, но заставить их напасть на «похоронную процессию еще не жены, но уже и не девушки» было невозможно ни за какие деньги.

Посему продвигались мы хоть и медленно, но без лишних приключений. С приближением к границе воздух становился более влажным, а в сочетании с палящим весенним солнцем, и удушливым. Любая одежда промокала на теле в считанные секунды. Ощущение было такое, что сними с себя рубашку, выжми ее и будет добрых полфляги воды, разве что такую воду пить нельзя. Климат менялся, с ним менялась и окружающая нас растительность. Деревья становились более раскидистыми, с пышными зелеными кронами, в коре которых все чаще встречались распускающиеся цветы-паразиты, их семена пускали корни прямо в дерево, отчего казалось, что само дерево цветет разноцветными гирляндами белых, фиолетовых, желтых и красных цветов. Сами растения здесь были более высокими, широколистными, отчего лес вокруг становился практически непроходимым. И если бы не забота Императора о наших стоянках, то было бы и вовсе несладко.

Я же с того памятного вечера, когда меня пригласили к костру северян, теперь присоединялась к ним каждый раз, стоило приготовить моей пище. Всякий раз они спрашивали, не передумала ли я насчет того, чтобы поесть нормально, и всякий раз приходилось объяснять, что я не могу. Больше всех расстраивался Кельм, иногда мне казалось, что он уже меня похоронил и теперь старательно скорбит... по несколько минут каждый вечер. В целом сама атмосфера у костра чужаков была такой теплой, непринужденной, создавалось впечатление, что собрались добрые друзья, у которых одни интересы на всех. Они много смеялись и шутили, порой я начинала ловить себя на мысли, что понимаю, о чем они говорят. Я и впрямь начала понимать значение некоторых слов и фраз, и это не могло не радовать. Хотя северяне держались весьма миролюбиво, я все же понимала, что это может быть лишь пылью в «мои детские глаза». Они подолгу расспрашивали меня о традициях в Аире, затем обсуждали это между собой на родном языке и непременно начинали хохотать во всю силу своих легких. Я усердно делала вид, что совсем ничего не понимаю. Тогда отсмеявшись, они продолжали свои расспросы вновь.

– Так почему считается, что когда у женщины очень узкие глаза, это красиво? – скалясь всеми своими зубами, пробасил Олаф на очередной стоянке.

Сегодня мужчин интересовали каноны женской красоты, а не политические устои, как обычно. Полагаю, причиной тому стало несколько распитых бурдюков с вином, но это не столь существенно.

– Потому, – обвела присутствующих смущенным взглядом. Мне на самом деле было неудобно обсуждать с ними такие вещи, сама не знаю почему, но всякий раз, когда разговор заходил за женщин, становилось не по себе. – Есть такое поверье, что в душе у каждой женщины живет демон, который проникает в душу мужчины через глаза и сводит его сума.

– Охохохо, – утробно хохотал Кельм, а ему вторили и остальные. – Es wirte sage ert!³²

– Sagt Helga beeretum geehn must sie wlste better!³³

³² Так вот как это называется!

³³ Скажи Хельге, как домой приедешь, пусть на пасеку сходит без маски, может добрее станет!

– Lada sager aus, du bist cretin when sie inns du!³⁴ – растерявшись, сквозь смех и слезы ответил рыжеволосый Брану, обладателю пышных коричневых усов и совершенно блондинистой шевелюры на голове.

– А худоба – это красиво? – тихим шепотом поинтересовался Бьерн.

– Конечно, – тут же согласно кивнула я, – женщина должна быть миниатюрной и хрупкой, с маленькими ступнями и ладонями.

Очередной взрыв хохота и ряд реплик на родном языке.

– Was ontet seine legg?³⁵ – непонимающе вопрошает Олаф. – If ich dest af reddung see nucht alle!³⁶

Следует заметить, что те трое северян, которых я видела в зале Императора, в наших дискуссиях практически никогда не участвовали. Но у меня было такое ощущение, что каждый вечер они пристально наблюдают за всем происходящим в лагере сквозь увеличительное стекло, включая меня. Они смотрят, слушают, подмечают, а все остальные работают как отвлекающий маневр. Ну и развлекаются за мой счет, не без этого. Тем не менее Рик, Брейдан и Дэйм, так звали этих троих, за все время нашего путешествия ни разу не позволили себе вести себя так, как их товарищи. При этом эти трое всегда сохраняли вежливые улыбки на лицах, когда того требовала ситуация, и готовы были присоединиться к текущей беседе в любой момент.

– По мне так краше моей Хельги никого на свете нет! Грудь такая, что даже в мою ладонь не помещается, бедра широкие, а значит, и детей может рожать без осложнений. И все равно, что ладони не маленькие, коли готовят хорошо! – неожиданно сказал Кельм на моем родном языке. – А тебе, Дэй, какие девочки нравятся? Есть зазноба-то?

Отчего-то я очень смутилась от такого вопроса. И сама не заметила, как позволила густому румянцу разлиться на щеках. Зато от остальных скрыть этот факт не удалось. Мужчины понимающе заулыбались, а разговорчивый и не в меру простодушный Кельм ободряюще заговорил.

– Ну, ничего, вернемся домой и найдем тебе девку. Знаешь, какие красавицы в наших краях живут? Тебе такие и не снились! Правда, откормить бы тебя не мешало для начала, а ты все упрямышься, – погрустнел вдруг северянин. – Хоть и чудной ты, но жалко тебя все одно... – Ну, вот и несколько минут скорби по мне на этот вечер.

– See, artendes aus schmutze ins boy fus klein und slim nicht? Er grette uter eina frey ne werde! Grdde trest grief, es warriar zerd³⁷, – тихо сказал Олаф, поглядывая на меня с неподдельным сочувствием.

– Und mit wand!³⁸ – подсказал Бьерн.

– Und mit wand, – согласно кивнул Олаф.

– Я им займусь! – ни с того ни с сего вдруг провозгласил Кельм.

Несколько северян дружно сплюнули в огонь на эту его реплику, а кто-то тихо пробурчал:

– Es Dei truely not diesed?³⁹

– Слушай, парень, я решил сделать из тебя хорошего бойца, – широко улыбаясь, сказал рыжий северянин, от души хлопнув меня по плечу, от чего я едва не рухнула, распластавшись у его ног, и сильно закашлялась. Мужчины дружно отстранились, прикрывая носы и рты руками. Такого заявления я уже совсем никак не ожидала. Что за прихоть разыграла в голове у этого

³⁴ Ладу свою отправь, а то совсем дурнеешь, когда она рядом!

³⁵ На кой мне сдались ее ступни?

³⁶ Если я лезу под юбку, то совсем не это разглядывать!

³⁷ Смотри, обнадежишь пацана, а с таким ростом и фигурой его к нашим девкам и близко не подпустят! Да это еще полбеда, но так он же еще и как воин никакой.

³⁸ И с чудиной!

³⁹ А Дэй точно не заразный?

рыжего словоблудца? Только мне его в качестве наставника и не хватало, чтобы ощутить все прелести этого путешествия.

– Кельм, – откашлявшись, заговорила я. – Спасибо тебе, конечно, – решила сначала поблагодарить этого мужчину за оказанную честь, – но ты знаешь, кто я? – очень спокойно спросила я.

– Ты? – рыжий нахмурился, размышляя над моим вопросом. – Как это у вас называется, служка?

Я даже воздухом поперхнулась. Ну, конечно, что еще они могли подумать? Служками в нашей стране называли не только слуг при храме. Если дело касалось военной сферы, то служка – это человек, который где-то между воином и обычным человеком. То есть молодой человек, который не смог стать профессионалом в силу отсутствия способностей. А посему вынужден отрабатывать свое обучение в качестве «принеси – подай». Одним словом, раб-слуга при военных.

– Кельм, на самом деле я паи последней ступени Ю Хэ, – спокойно ответила я, стараясь бороться с совершенно неуместным чувством обиды за Дэй Ли. Быть служкой это позорно, лучше уж простым крестьянином. Однако как-то эмоционально я восприняла их отношение ко мне? – Этот поход – это мое испытание выпускника.

– Ты паи, правда? – неверяще переспросил Кельм.

– Да.

– Тогда я тем более тобой займусь.

Интересно, если бы я сказала, что я Тень, он все равно бы решил мной заняться? Ну, пусть попробует, может, и впрямь чему-нибудь полезному обучит...

– Ты не обижайся, Дэй, но на вид я тебя одним плевком перешибу, – заявил Кельм, на следующее утро. – Ты маленький и тощий, проку с тебя никакого, – уверенно сказал он и ни с того ни с сего ухватил меня двумя пальцами за руку, так что его пальцы полностью сомкнулись кольцом на предплечье и еще место осталось. Он брезгливо поднял мою конечность и потряс ею для вида. – Это чё? – с подозрением осмотрел мою руку он.

– Рука, – ответила ему я, не пытаясь вырваться.

– Нет, – хохотнул он и вновь потряс моей рукой в воздухе. – Это ж надо... – задумчиво пробормотал он, в это время закатав рукав своей рубахи и подсунув свою руку для сравнение мне прямо под нос, сжав кисть в кулак. Надо сказать, что у меня аж глаза на переносице сошлись. Кулак Кельма был если не с мою голову, так с половину точно. Тугие змеи мышц извивались под кожей, стоило Кельму сделать хоть одно движение пальцем или кулаком.

– Вот рука, – гордо сказал он.

Да у меня ноги, наверное, тоньше его рук в обхвате...

– Запомни, сынок. – Я аж чуть не подавилась от этого «сынок», но маску невозмутимого спокойствия решила держать до конца. – Женщины на кости не кидаются, – убежденно кивнул Кельм. – Воина, может, я из тебя за столь короткий срок и не сделаю, но хотя бы в подобающий мужчине вид постараюсь привести. Ты даже среди своих выделяешься, – грустно покачал головой северянин.

– Что значит «выделяюсь»? – обеспокоенно переспросила я.

– Да ваш народ на нашем фоне и так, как дети на прогулке с родителями, а ты так вообще как младенец верхом на зайце. Вот что, сегодня зайца у тебя я заберу, – сказал он, беспремонно хватая мою животину под уздцы, когда я уже закончила привязывать к ней сумки. – Будешь двигаться пешком! Чередуя бег с шагом, я буду следить!

Когда Кельм дернул осла, чтобы увести, то последний попытался истошно заорать, но тут кулак северянина переместился под нос животине, и крик тут же оборвался. А осел, гнусный предатель, покорно поспешил за моим благодетелем.

– До вечера будешь двигаться пешком, – повторил он.

Кельм ушел к своим. Осел казался на фоне северянина только родившимся жеребенком, таким маленьким и беззащитным, что мне даже жалко его стало.

День сегодня выдался особенно жарким, солнце палило нещадно, воздух, насыщенный влагой, был удушливым и спертым. Но бежать мне все же пришлось. Не скажу, что это было так тяжело, как думал Кельм. Я и впрямь «застоялась», если можно так сказать, в этом путешествии. Мне не хватало привычных нагрузок, потому вместо того, чтобы чередовать нагрузку, я чуть отстала от каравана, а после уже бежала в одном спокойном темпе. Конечно, было бы лучше, если бы не было так влажно, но и это было терпимо. Пока бежала, связалась с Сэ'Паи Тонгом, показала ему последние события. Сэ'Паи веселился, как ребенок. А напоследок сказал, чтобы не обижала рыжего северянина, ведь он старается помочь, а это нужно поощрять...

Солнце медленно ползло по небу, и, судя по всему, было уже около трех часов дня, когда где-то за поворотом послышался стук тяжелых копыт, а спустя еще мгновение оттуда выскочил и сам жеребец, на спине которого с бешено вращающимися глазами сидел Кельм.

– О слава всем Богам, ты еще не сдох! – заорал он, старательно осматривая меня со всех сторон. – Я про тебя забыл! – так же простодушно заявил он.

Пока северянин не пришел в себя, я, вовремя спохватившись, начала дышать, словно задыхаюсь. Для убедительности даже за бок схватилась, мол, держусь на последнем издыхании.

– Что, плохо с непривычки?

– Да, – все еще пыхтя, простонала я, – не знаю, как держусь до сих пор!

Во взгляде рыжего промелькнула искра сочувствия, которая тут же погасла, под осознанием долга передо мной и тем, что все это мне же во благо.

– Ничего, парень, будешь бегать каждый день, а вечером заниматься со мной, и станешь на человека похож! – убежденно сказал он.

– Кельм, – задыхаясь, простонала я, – зачем тебе это? Брось меня! – что на меня нашло, не знаю, но захотелось вдруг пошалить. Давно меня так не развлекали. А, может, и никогда...

Рыжий посмотрел на меня как-то по-новому, глубоко вздохнул и сказал совершенно серьезно:

– Не переживай, Дэй, все будет хорошо. – После чего развернул свою лошадь и отправился обратно.

Как-то стало совсем невесело. Отчего-то показалось, что я сказала что-то не то, и вместо шуток вышло что-то личное и лишнее сейчас для рыжего чужака.

К вечеру ближе я почувствовала легкое недомогание, как же не вовремя! Но, как бы там ни было, я все же женщина и определенные дни бывают даже у Тени. Необходимо было позаботиться о себе и привести себя в порядок, пока никто ничего не заметил. Потому легко ускорила и побежала, обгоняя неспешно едущий караван, взглядом ища северян. А вместе с ними и моего осла, у которого на боку были мои сумки со всем необходимым.

Северяне были, как и обычно, во главе отряда, вот только Кельма среди них я не увидела. Зато мой осел нашелся быстро. Он неспешно трусил следом за гнедым жеребцом Брэйдана. Причем делал он это никем не понукаемый и не будучи привязанным к луке седла северянина. Сам Брэйдан ехал, глубоко задумавшись о своем и, кажется, заметил меня лишь, когда я ухватила осла за поводья и попыталась остановить его.

– Дэй? – непонимающе посмотрел на меня темноволосый властитель. Его глаза сейчас казались цвета изумруда. Заходящее солнце отражалось в них, зажигая на самом дне яркие искры. – Что ты делаешь?

– Пытаюсь остановить животное, – чуть хрипя, опять подергала поводья я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.